

ПЕРЕВЕДИТЕ ДОСЛОВНО

ДАНИИЛ ОРЛОВ

Даниил Орлов

Переведите дословно

<https://litres.ru/74652492>

SelfPub; 2026

Аннотация

Переводчик Артём Сазонов приезжает на закрытые переговоры в корпоративную гостиницу и замечает невозможное расхождение: иностранный владелец патентов даёт лицензию на пять лет, а в русском протоколе появляется право на весь срок. Когда Артём пытается сверить версии, исходные файлы исчезают, коллега внезапно покидает гостиницу, а служебный голос начинает подсказывать переводчикам слова, которых никто не произносил.

Начальник группы Кирилл знает содержание встреч, где не присутствовал, и предлагает Артёму молчание в обмен на защиту. Отказаться трудно: сам Артём нарушил режим секретности, а неизвестный уже передал эти сведения органам опеки. Теперь под угрозой не только его профессия, но и право воспитывать тринадцатилетнюю племянницу Варю.

Содержание

От автора	4
Глава 1. Закрытый этаж	5
Глава 2. Версия для подписи	23
Глава 3. Десять минут связи	46
Глава 4. Слово наставника	65
Глава 5. Номер без гостя	87
Глава 6. Личный снимок	114
Глава 7. Два значения	132
Конец ознакомительного фрагмента.	145

Даниил Орлов

Переведите дословно

От автора

Переводчик почти всегда находится рядом с властью и почти никогда не должен становиться её заметной частью. От него ждут точности, но точность не похожа на механическую замену слов: одна и та же фраза может звучать мягче или жёстче, оставлять человеку выбор или незаметно отнимать его.

Этот роман — о границе между неизбежным выбором переводчика и намеренной подменой. Здесь нет языка, который сам по себе скрывает правду, и нет идеальной записи, способной мгновенно решить спор. Есть люди, черновики, служебные привычки и последствия формулировок, которые кто-то однажды счёл неважными.

История Артёма начинается в закрытой комнате, где каждому кажется, что смысл принадлежит специалистам. Но слова принадлежат тем, кто их произносит и кто потом будет жить по подписанному тексту. Поэтому главный вопрос книги не в том, можно ли перевести всё дословно. Он в том, кто отвечает за разницу.

Глава 1. Закрытый этаж

К восьми утра гостиница уже перестала быть гостиницей.

У стеклянных дверей не было ни такси, ни чемоданов, ни людей, которые, запрокинув голову, ищут глазами название над входом. На мокром асфальте стояли два одинаковых серых микроавтобуса, а под навесом — стол службы безопасности, хотя настоящий пост находился внутри. Артём показал паспорт сначала человеку в тёмной куртке, потом женщине за стойкой, потом приложил временный пропуск к считывателю. Красный огонёк сменился зелёным не сразу.

— Телефон включён? — спросила женщина.

— Пока да.

— На седьмом сдадите. Здесь можете пользоваться. Фотографировать нельзя уже здесь.

Она сказала это без нажима, как говорят про мокрый пол. Артём убрал телефон во внутренний карман. Там оставалось непрочитанное сообщение от Вари, пришедшее в семь двенадцать: «Ты зелёную папку взял?» Папка была не нужна ему в гостинице. В ней лежали копия свидетельства о смерти Лены, заключение школьного психолога и лист с перечнем документов для постоянной опеки. Вчера Артём дважды проверил её и оставил на кухонном столе, чтобы Варя передала папку инспектору, если та позвонит раньше обещанного срока.

Он написал: «Она на столе. Завтрак в холодильнике. После школы сразу домой». Стер последнее предложение и написал: «После школы напиши, куда пойдёшь». Второй вариант казался менее похожим на приказ, но всё равно выдавал тревогу. Варя обычно отвечала одним поднятым большим пальцем. Сейчас ответа не было.

В холле пахло свежей краской и кофе из выключенного бара. За перегородкой стояли кресла, накрытые серыми чехлами. Гостиница «Северная линия» закрылась для обычных постояльцев на десять суток, однако персонал оставил на стойках рекламные карточки с видом реки, будто сюда ещё мог войти человек, не включённый ни в один список.

— Сазонов.

Артём обернулся. Кирилл Савельев шёл от лифтов, не глядя под ноги. В одной руке он держал планшет, в другой — бумажный стакан. Пиджак сидел на нём так, словно Кирилл ночевал не в гостиничном номере, а в примерочной: ни одной складки, ни одной нитки. Семь лет назад Артём пытался копировать даже эту манеру одежды, пока не понял, сколько времени она требует.

— На три минуты раньше, — сказал Кирилл, посмотрев на часы. — Уже неплохо.

— Доброе утро.

— Оно будет добрым после первой сессии. Идём. Кофе наверху, этот автомат ещё не опечатали, но его сегодня отключат.

Он не спросил о Варе. За последние два месяца Кирилл спрашивал о ней дважды: в первый раз, когда позволил Артёму закончить перевод дома, во второй — когда отдел кадров потребовал подтвердить возможность командировки. Оба раза имя девочки служило не вопросом, а причиной рабочего решения.

Лифт принимал пропуск до нажатия кнопки. Кирилл приложил свой, и на панели загорелись шестой, седьмой и восьмой этажи. У Артёма утром работал только седьмой.

— Номера наши на шестом, — сказал он.

— Доступ дадут после обеда. До конца первой сессии никто не расходится. Седьмой закрытый, восьмой — юристы и руководство. Если тебя пригласят на восьмой, приглашение придёт через меня.

— А если позвонят из номера?

— Через меня.

Двери закрылись. Кирилл протянул ему стакан, который держал в левой руке.

— Без сахара. Ты ведь всё ещё без сахара?

Артём взял кофе. Это была мелочь, но именно из таких мелочей Кирилл собирал право говорить за человека. Он помнил, кто пьёт без сахара, кто теряется на числах, кто однажды опоздал к нотариусу, потому что забирал ребёнка из больницы. Рядом с ним забота и учёт выглядели одинаково.

— Спасибо.

— Сегодня ты в последовательном на вводной встрече,

потом в кабине с Майей. Лев берёт технический блок. Не геройствуйте. Там обе стороны привезли людей, которые слышат язык, но предпочитают делать вид, что не слышат. Нам за это и платят.

— За то, чтобы они не слышали?

Кирилл усмехнулся.

— За то, чтобы услышанное не разрушило сделку раньше времени.

На седьмом этаже лифт открылся перед матовой стеклянной стеной. За ней вместо гостиничного коридора начинался временный офис. На ковре лежали кабельные короба, двери номеров закрывали белые панели с надписями «ПЕРЕГОВОРНАЯ А», «ПЕРЕГОВОРНАЯ Б», «РЕДАКЦИЯ», «КОПИРОВАЛЬНАЯ». Номера на панелях не указывали. Окна в конце коридора заклеили полупрозрачной плёнкой до человеческого роста.

У стойки безопасности Артём выключил телефон и положил его в серый конверт. Сотрудник заклеил клапан полоской с номером 173, расписался поперёк и убрал конверт в ячейку.

— Часы с передачей данных?

— Обычные.

— Покажите.

Артём расстегнул ремешок. Сотрудник покрутил часы, вернул и указал на рамку. За рамкой стоял ещё один человек с ручным прибором. В первый раз Артём почувствовал

не важность происходящего, а неловкость, будто пришёл на приём к врачу и забыл, какую часть тела будут осматривать.

Кирилл ждал за рамкой.

— Через день перестанешь замечать.

— Я и сейчас замечаю не рамку.

— А что?

— Что список вещей длиннее списка правил перевода.

— Правило перевода одно. Не становиться участником.

Кирилл провёл его в редакционную. За двумя длинными столами сидели пятеро. Майя Руденко подняла руку, не снимая наушников. Лев Зорин листал распечатку глоссария и подчёркивал что-то простым карандашом. Две редакторши сверяли номера пунктов, а у дальней стены техник раскладывал запасные приёмники.

На месте Артёма лежала папка без названия. В ней находились расписание, план рассадки, сорок две страницы двуязычного глоссария и лист обязательств о неразглашении, который он подписал ещё в офисе. Последняя страница глоссария имела отметку «версия 6.2» и время: 06:40.

— Вчера была пятая, — сказал Артём.

Лев не поднял головы.

— Ночью плодятся быстрее кроликов.

— Что изменили?

— Если бы изменения выделяли, мы бы слишком хорошо жили.

Кирилл поставил планшет на стол.

— Все шутки про версии закончились. В обновлении согласованы названия подразделений, фамилии и патентные семьи. Работаете только по шестой второй. Старые листы сдать в уничтожение.

— А сверка? — спросила Майя.

— Какая сверка?

— Чтобы знать, что поменялось.

— Вам не нужно знать, что было отвергнуто. Вам нужно знать, что принято.

Лев перестал водить карандашом. На полях у него уже стояли три короткие черты. Кирилл заметил их и протянул ладонь.

— Карандаш.

— Нам разрешили бумажные пометки.

— Во время сессии. Не на глоссарии до начала.

Лев положил карандаш на ладонь Кирилла. Тот не выбросил его, а аккуратно оставил возле планшета.

— Первая встреча формальная, — продолжил Кирилл. — Представление сторон, полномочия, предмет обсуждения. Артём переводит госпожу Вайс последовательно. Если она уходит в юридические подробности, не пытайтесь сохранить немецкий порядок слов. Русской стороне нужна ясность.

— Ей тоже нужна ясность, — сказал Артём.

— Поэтому она привезла своего юриста. Начинаем через семь минут.

Переговорная А занимала пространство четырёх бывших

гостиничных номеров. Перегородки снесли, но следы прежних стен остались на потолке. В центре стоял овальный стол, у каждого кресла — микрофон, бутылка воды, блокнот без логотипа и два заточенных карандаша. На стене висели часы с секундной стрелкой. Других часов в комнате не было.

Артёма посадили между главой российской делегации Виктором Грозовым и председателем иностранной стороны Ханной Вайс. Кирилл остался у стены рядом с корпоративным юристом Нестеровым. Перед ним не было таблички, однако никто не попросил его выйти.

Вайс оказалась женщиной лет шестидесяти с короткими седыми волосами. Она поздоровалась с Артёмом по-русски, потом перешла на немецкий и спросила, давно ли он работает в этой области.

— В промышленном переводе одиннадцать лет.

— Тогда вы знаете, что самое дорогое оборудование часто ломается из-за дешёвой детали.

— Знаю.

— Слова тоже бывают дешёвыми деталями.

Артём перевёл её реплику Грозову. Тот усмехнулся.

— Передайте, что мы привезли хороших механиков.

Артём передал. Вайс посмотрела не на Грозова, а на него, будто проверяла не шутку, а расстояние между фразами.

Встреча началась ровно в девять. Первые двадцать минут стороны говорили то, что заранее написали помощники: о взаимном уважении, сохранении рабочих мест, технологи-

ческом сотрудничестве. Артём делал записи в две колонки, удерживая числа на полях. Когда говорил Громов, Артём поворачивался к Вайс; когда отвечала она — к российской части стола. Кирилл учил его не смотреть на начальника во время сложной фразы. Взгляд начальника превращает перевод в просьбу об одобрении.

На двадцать третьей минуте Вайс закрыла подготовленный текст.

— Чтобы избежать неверных ожиданий, я хочу повторить то, что мы обсуждали весной. Мы готовы предоставить временную лицензию на использование трёх патентных семейств в пределах действующего производственного цикла. Продление возможно после совместной проверки, но оно не является автоматическим.

Артём записал: временная; три семейства; действующий цикл; продление после проверки; не автоматически. Фраза была простой. Он перевёл её без перестановок смысла.

Громов выслушал и повернулся к Нестерову.

— То есть до модернизации линии?

Вайс дождалась перевода.

— До даты, которую мы согласуем. Производственный цикл не следует понимать как срок службы оборудования. Именно поэтому лицензия временная.

Артём перевёл и это. Нестеров написал что-то на листе и подвинул его Кириллу, стоявшему у стены. Кирилл прочёл, не меняясь в лице.

— Мы исходим из непрерывности производства, — сказал Громов. — Ограниченная лицензия создаст зависимость, которую совет директоров не одобрит.

— Тогда нам предстоит определить срок, приемлемый для обеих сторон, — ответила Вайс. — Но не превращать обсуждаемое право в неограниченное.

На слове «неограниченное» она положила ладонь на закрытый текст. Артём отметил жест на полях маленьким квадратом. Не для протокола — для себя. Жесты помогали помнить ударение фразы.

Кирилл подошёл во время паузы и положил перед Артёмом новую страницу глоссария.

— Вместо двадцать седьмой, — тихо сказал он.

— Сейчас?

— Сейчас.

В таблице появилась строка: «limited-term licence — лицензия с пересмотром условий». Рядом не было ни слова «временная», ни срока. Артём поднял глаза.

— Она говорит temporary.

— В документах основной термин limited-term. Не устраивай разницей.

— Но сейчас она дважды уточнила, что право временное. Кирилл наклонился, будто хотел лучше расслышать.

— Передавай реплики. Термины бери из утверждённого списка.

Пауза закончилась. Нестеров заговорил о территориях

действия, объёме производства и дочерних предприятиях. Артём переводил, чувствуя под ладонью лишний лист. «Лицензия с пересмотром условий» могла означать, что право продолжает действовать, пока стороны не договорятся о новом. «Временная лицензия» прекращалась в установленный день. Разница была не стилистической, но пока в комнате не читали договор. Они произносили позиции.

Когда слово снова получила Вайс, она повторила: срок должен быть указан прямо. Артём сказал по-русски:

— Срок действия лицензии должен быть прямо указан в соглашении.

Кирилл не подал знака. Громов кивнул и попросил перейти к следующему вопросу.

В десять сорок встречу прервали. Помощники собрали блокноты, хотя карандаши оставили на столе. Артём вышел последним. Кирилл ждал в коридоре.

— В редакционную, — сказал он. — Сразу.

— Я передал термин так, как она его определила.

— Я не спрашивал объяснений.

— Тогда зачем мы остановились?

— Не мы. Стороны остановились на кофе.

В редакционной уже печатали краткий протокол. Одна редакторша читала русский текст с экрана, вторая следила по заметкам. Майя стояла у принтера. Лев забрал свой карандаш и теперь вращал его между пальцами.

— Артём, проверь речь Вайс, — сказал Кирилл. — Пунк-

ты четыре — семь.

На экране было написано: «Иностранная сторона подтвердила готовность предоставить российской стороне право неограниченного использования трёх патентных семейств при условии периодического совместного пересмотра коммерческих условий».

Артём прочёл предложение второй раз. Потом посмотрел на немецкую колонку. Там стояла более осторожная фраза: иностранная сторона подтвердила готовность обсуждать ограниченную по сроку лицензию. Колонки не соответствовали друг другу не в оттенке и не в порядке слов. Они описывали разные решения.

— Откуда русский пункт? — спросил он.

Редакторша убрала руки с клавиатуры.

— Из шаблона итогов.

— Какого шаблона?

— Который был в папке сессии.

— До встречи?

Она посмотрела на Кирилла. Тот подошёл к экрану и прочёл строку, словно видел её впервые.

— Замените «неограниченного» на «продолжающегося»,

— сказал он. — Так точнее.

— Нет, — сказал Артём.

В комнате перестал шуршать принтер. Артём услышал, как в коридоре тележка ударилась колесом о кабельный короб.

Кирилл повернулся к нему.

— Что нет?

— Право не подтверждено. Подтверждена готовность обсуждать временную лицензию. Продление не автоматическое. Она сказала это три раза.

— «Продолжающееся использование с пересмотром» и есть рабочая позиция сделки.

— Не её позиция.

— Ты переводил слова, Артём. Я веду группу и вижу документы целиком.

— В немецкой колонке написано обратное.

Кирилл посмотрел на редакторшу.

— Выйдите на минуту. Все, кроме Сазонова.

Майя первой сняла с принтера пустой лист, будто именно за ним пришла. Лев положил карандаш на стол. Никто не взглянул на Артёма, пока закрывалась дверь.

Кирилл сел на край стола.

— Ты знаешь разницу между стенограммой и протоколом?

— Да.

— Тогда почему ведёшь себя так, будто мы обязаны записать каждое самоисправление?

— Это не самоисправление. Вайс уточняла одно и то же.

— Она обозначила верхнюю позицию перед торгом. Протокол фиксирует область, в которой стороны продолжают работу.

— Область тоже не может быть противоположной сказанному.

— Может быть шире сказанного. Для этого люди и садятся за стол.

Артём показал на экран.

— Тогда расширьте обе колонки. Сейчас русская сторона прочитает, что получила бессрочное право, а иностранная — что только согласилась обсуждать временное.

Кирилл помолчал. Его лицо не стало злее; наоборот, в нём появилось терпение наставника, которое Артём помнил по первым командировкам.

— Послушай меня внимательно. Этот лист не подписывается. Это внутренний итог первого раунда. До договора будет двадцать версий, и в каждой юристы вычистят лишнее. Если ты сейчас начнёшь учить их вести переговоры, к подписанию тебя не допустят. И меня не допустят. У нас другая работа.

— Моя работа — не написать вместо неё согласие.

— Ты его и не пишешь. Текст ведёт редакция по указаниям юридической группы.

— А проверить поручили мне.

— Проверить язык.

Артём снова прочёл обе колонки. На экране мигал курсор после слова «условий». В углу стояло время создания файла: 07:18. За час сорок две минуты до встречи.

— Этот пункт был в шаблоне утром, — сказал он.

— Разумеется. Шаблоны готовят заранее.

— С результатом, которого ещё не было.

— С возможными формулировками. Ты впервые видишь переговорный шаблон?

Артём видел десятки шаблонов. В них оставляли пустые поля, варианты в квадратных скобках, иногда две взаимоисключающие фразы разного цвета. Здесь не было ни скобок, ни цвета. Готовое утверждение ждало встречи, чтобы получить дату.

— Поставьте хотя бы «обсудила», — сказал он. — Не «подтвердила».

Кирилл поднялся.

— Замените на «обсудила возможность продолжающегося использования», — произнёс он уже к двери, хотя за ней никто не мог его слышать. — Компромисс. И запомни: формулировки группы не обсуждаются вне группы. Ни с делегациями, ни с гостиничным персоналом, ни дома.

Последнее слово он выделил совсем немного.

— Дома я не обсуждаю патенты с тринадцатилетним ребёнком.

— Я знаю. Я напомнил правило, а не твою семью.

Кирилл открыл дверь. Остальные вернулись слишком быстро: значит, ждали рядом. Редакторша села за клавиатуру и внесла замену. Русская колонка теперь сообщала, что стороны обсудили возможность продолжающегося использования, немецкая — что иностранная сторона готова обсуждать

ограниченную по сроку лицензию. Прямой лжи стало меньше. Соответствия не появилось.

— Виза переводчика, — сказала редакторша и подвинула Артёму распечатку.

Внизу стояли четыре фамилии и пустые клетки для инициалов. Артём взял карандаш.

— Я завизирую немецкую колонку.

— Документ целый, — ответила она.

— Тогда напишу замечание.

Кирилл стоял у двери и смотрел на него без угрозы. Именно это было хуже всего. Угроза позволила бы назвать происходящее давлением. Спокойный взгляд оставлял Артёму выбор, а значит, и всю ответственность за него.

Он написал на полях: «Русская формулировка о продолжающемся использовании не соответствует заявлению Х. Вайс о временной лицензии и неавтоматическом продлении». Поставил инициалы и время.

Редакторша прочла замечание.

— Мне теперь заново печатать чистовик?

— Нет, — сказал Кирилл. — Этот лист в рабочие. Чистый экземпляр подготовьте без визы Сазонова. Проверит другой переводчик.

— Кто? — спросила Майя.

— Я.

Лев перестал вращать карандаш.

— Вы не были за столом, — сказал Артём.

— У меня есть записи группы.

— Вы не слышали интонацию и уточнения.

— Ты только что записал их на полях. Спасибо.

Кирилл забрал лист и положил в свою папку. Не в корзину для уничтожения, не в лоток протоколов — к себе. Артём понял, что не может попросить копию. В закрытой зоне копий не просили: каждую выдавали по номеру, каждую возвращали.

В коридоре прозвенел короткий сигнал, вызывая группу ко второй сессии. Майя надела наушники на шею. Лев первым вышел из комнаты. Проходя мимо Артёма, он едва заметно коснулся пальцем своего карандаша, потом указал им на часы. Артём не понял, имел ли этот жест смысл.

Кирилл задержал его у двери.

— Сазонов, ещё одно. На закрытом этаже любая попытка вынести спор наружу превращает рабочую ошибку в нарушение режима. Даже если тебе кажется, что ты защищаешь точность.

— А если ошибка уже была в документе до того, как прозвучали слова?

— Тогда тем более не спешి назначать виноватого.

— Я никого не назначал.

— Пока нет.

Вторая сессия проходила в кабине. За стеклом участники рассаживались, менялись папками, пробовали микрофоны. Звукоизоляция гасила всё, кроме голосов в наушниках.

Артём сел рядом с Майей и раскрыл глоссарий на двадцать седьмой странице. Новая строка лежала ровно, будто всегда была частью списка.

За минуту до начала на маленьком экране появилась служебная надпись: «ИСПОЛЬЗОВАТЬ ТОЛЬКО ВЕРСИЮ 6.2. ОТКЛОНЕНИЯ ФИКСИРУЮТСЯ».

Майя прочла и беззвучно присвистнула.

— Это всем? — спросил Артём.

— В обе кабины.

— Раньше такое выводили?

— Про версию — да. Про отклонения не помню.

В наушниках щёлкнул канал. Голос Кирилла произнёс:

— Проверка связи. Первая кабина?

Майя нажала кнопку.

— Слышим.

— Вторая?

Отозвался Лев:

— Слышим.

— Работаем по утверждённым терминам. Комментарии после сессии.

Микрофон отключился. Через стекло Артём видел Кирилла у дальней стены зала. Тот смотрел не на участников, а прямо на кабину.

Заговорил Нестеров. Майя начала переводить. Её голос был ровным и чуть ниже обычного, таким его слышали люди в приёмниках. Артём следил по документам, отмечая числа.

На столе под его правой рукой лежала строка о лицензии с пересмотром условий. Под левой — блокнот, который в конце смены заберут и уничтожат.

Он написал одно предложение: «Первая русская версия существовала до первой реплики».

Посмотрел на него и зачеркнул. Потом зачеркнул ещё раз, пока слова не превратились в тёмный прямоугольник.

За стеклом люди кивали переводу, который слышали. Ни один из них не мог видеть две колонки одновременно.

Глава 2. Версия для подписи

Вторая сессия закончилась в половине второго, но из кабины Артёма выпустили только через семь минут. Сначала участники покинули зал, затем сотрудник безопасности собрал со столов листы, пересчитал их и сверил номера в правом нижнем углу. Блокнот Артёма он пролистал от первой страницы до последней. На листе с зачёркнутой фразой задержался.

— Что здесь было?

— Рабочая заметка.

— Почему зачеркнули?

— Перестала быть нужна.

Сотрудник потёр прямоугольник ребром ногтя, словно графит можно было снять верхним слоем бумаги и прочесть спрятанные слова.

— Разборчиво зачёркивать нельзя, — сказал он.

— Я и неразборчиво зачеркнул.

Майя рядом коротко выдохнула. Не смех — предупреждение, что шутка здесь лишняя. Сотрудник вырвал лист по перфорации, поставил на нём время и убрал в прозрачный пакет.

— В уничтожение?

— В журнал отклонений.

Артём хотел спросить, с какого дня у них появился та-

кой журнал, но за стеклом стоял Кирилл. Он держал папку с утренним протоколом под мышкой и разговаривал с Нестеровым. Увидев пакет, Кирилл едва заметно кивнул сотруднику безопасности. Значит, вопрос всё равно дошёл бы до него. Только уже в виде второго отклонения.

В коридоре пахло разогретой рыбой и кофе. Гостиничный ресторан привёз обед в металлических контейнерах, поставил на столы тарелки, хлеб в закрытых корзинках и одинаковые белые чашки. Окна по-прежнему закрывала плёнка. По свету над её верхним краем можно было понять, что снаружи день, но не увидеть ни улицу, ни небо.

Лев взял поднос и сел у стены. Майя направилась к нему, однако Кирилл остановил её:

— Руденко, после обеда в первую кабину. Зорин — со мной на техническую сверку. Сазонов, редакция.

— Я ещё не ел.

— Возьми с собой.

— В редакционную нельзя еду.

Кирилл посмотрел на контейнеры, будто впервые узнал правило.

— Тогда пять минут.

Артём положил на тарелку рис и кусок рыбы. Есть под взглядом человека, который отсчитывает время, оказалось труднее, чем переводить длинную фразу без записи. Он успел сделать четыре глотка воды и разделить рыбу вилкой, когда Кирилл поднялся.

— Идём.

— У меня ещё две минуты.

— В редакционной ошибка перед отправкой сторонам.

Это было единственным объяснением, на которое Артём не мог ответить отказом. Он оставил тарелку. Майя смотрела в чашку, Лев — на часы над дверью. Ни один не предложил сохранить ему обед.

В редакционной работала только одна лампа над дальним столом. Оба компьютера были включены. На левом экране стояла немецкая колонка утреннего итога, на правом — русский чистовик. Между ними сидела редакторша, чьего имени Артём ещё не запомнил. На её пропуске фотография была закрыта прядью волос, а имя перевернулось к блузке.

— Покажите ошибку, — сказал Артём.

Кирилл закрыл дверь.

— Сначала объясни, что ты написал в кабине.

— Рабочую заметку.

— Какую?

— О времени создания утреннего файла.

— Зачем зачеркнул?

— Потому что заметка не относилась к переводу второй сессии.

— Но ты счёл важным её сделать.

— Счёл. Потом вспомнил, что блокноты сдают.

— То есть хотел сохранить наблюдение там, где его не должны увидеть.

Артём посмотрел на редакторшу. Она держала руки над клавиатурой, не касаясь клавиш. Её оставили свидетелем или мебелью, и она пока не решила, что безопаснее.

— Вы позвали меня исправлять документ, — сказал он.

— Да. Исправляй.

На русском экране был тот самый пункт, но уже в третьем виде: «Стороны подтвердили принцип непрерывного лицензионного использования трёх патентных семейств с последующим согласованием срока пересмотра условий».

— Это не ошибка, — сказал Артём. — Это новая фраза.

— Она пойдёт на подпись как итог дня.

— Итог дня в два часа?

— Основная позиция по лицензии сегодня меняться не будет.

— Откуда вы знаете?

Редакторша медленно опустила руки на стол. Кирилл не посмотрел в её сторону.

— Потому что у сторон есть согласованная повестка. Проверь русский текст на соответствие рабочему немецкому.

Артём прочёл немецкую колонку. Там стояло, что стороны обсудили предоставление срочной лицензии и продолжают согласование её длительности. Ни подтверждения принципа, ни непрерывного использования не было.

— Не соответствует.

— Предложи правку.

— «Стороны обсудили предоставление срочной лицензии

на три патентных семейства и продолжат согласование срока её действия».

— Это повтор немецкой колонки слово в слово.

— Вы просили проверить соответствие.

— Я просил русский документ, который можно подписать.

Кирилл говорил негромко. За годы совместной работы Артём слышал у него настоящий гнев всего дважды. Оба раза тот становился подчеркнуто вежлив, давал человеку договорить, а потом находил в его словах одну неточность и через неё разбирал всё сказанное. Сейчас Кирилл не искал неточность. Он предлагал Артёму сделать её собственными руками.

— Кто написал эту версию? — спросил Артём.

— Редакционная группа.

— Кто именно?

— Разве авторство меняет значение фразы?

— Нет. Время создания меняет объяснение, что она появилась по итогам встречи.

Редакторша потянулась к мыши. На правом экране всплыло маленькое окно, сразу исчезло. Артём успел увидеть имя файла: `DAY1RUSIGN\_v4`.

— Откройте сведения о документе, — сказал он.

— Зачем? — спросил Кирилл.

— Чтобы понять, какую версию я проверяю.

— Четвёртую.

— А третья где?

— В рабочей папке.

— Утром была первая.

— Значит, между ними были ещё две. Арифметика у тебя всегда была лучше дипломатии.

Артём подошёл к правому компьютеру. Редакторша отодвинула кресло всего на ладонь, не уступая место полностью. Внизу экрана виднелась общая папка сессии. В ней лежали семь файлов: расписание, список участников, два глоссария, немецкий итог, русский итог и пустой лист замечаний. Утреннего шаблона с временем 07:18 не было. Не было и второй, и третьей версии.

— Откройте историю, — сказал Артём.

Редакторша посмотрела на Кирилла.

— Открывайте, — разрешил тот.

Она нажала на название файла правой кнопкой. В свойствах стояло время создания 13:36, автор — «Редакционная группа 2», изменений — ноль. Документ выглядел так, будто возник двенадцать минут назад сразу в готовом виде.

— Где исходный файл?

— Архивируется автоматически, — сказала редакторша.

— Где архив?

— У администратора документов.

— Как его зовут?

Она снова посмотрела на Кирилла. На этот раз он ответил сам:

— Нестеров отвечает за выдачу доступа.

— Нестеров — корпоративный юрист.

— На эти десять дней ещё и администратор документов.

— Тогда пусть он даст историю версий.

Кирилл обошёл стол и встал рядом. В экране отражались их лица: Артём ближе, Кирилл чуть выше и темнее. Между отражениями мигал курсор.

— Ты проверяешь текст, — сказал Кирилл. — Не порядок хранения.

— Текст уже подменили после моего замечания.

— Его отредактировали.

— Замечание осталось при нём?

— Оно было на рабочем листе.

— Рабочий лист связан с этой версией?

— Все материалы дня связаны с итогом дня.

— Номером? Записью в журнале? Приложением?

Редакторша встала.

— Мне нужно забрать распечатку из копировальной.

— Сядьте, Ольга, — сказал Кирилл.

Так Артём наконец узнал её имя. Ольга села. Лицо у неё покраснело не от стыда — от того, что её попытку выйти заметили и назвали.

— Я не подпишу эту фразу, — сказал Артём.

— Тебя и не просят подписывать.

— Вы сказали, версия для подписи.

— Для подписи сторонами. Переводчики визируют язы-

ковые листы отдельно.

— Тогда дайте языковой лист.

Кирилл провёл большим пальцем по краю своей папки.

— После окончательной сверки.

— Которую проведёте вы?

— Которую проведёт назначенный сотрудник.

Артём снова посмотрел на папку. В ней лежал его утренний лист с замечанием. Край бумаги выступал между серыми разделителями; на нём была видна половина написанного от руки времени.

— Назначьте Майю.

— Она в кабине.

— Льва.

— Он на технической сверке.

— Со мной мог бы быть любой из них, если бы вы действительно хотели проверить язык.

Кирилл чуть наклонил голову.

— Ты сейчас обвиняешь меня в чём-то конкретном?

Это был вопрос, на который легко ответить слишком рано. Артём видел только несовпадающие колонки, заранее заполненный шаблон и исчезнувшие файлы. Он не видел, кто написал спорную строку, не знал, по чьему указанию меняли версии и зачем немецкий текст оставляли точным. Если назвать виновного прежде доказательства, всё можно было свести к личной неприязни подчинённого к начальнику.

— Я говорю, что проверка сделана так, чтобы замечание

не попало в документ.

— Это устройство работы, а не обвинение.

— Тогда внесите замечание в журнал.

— Оно уже в рабочей папке.

— Покажите.

Кирилл впервые за разговор отвёл взгляд. Не в сторону двери и не к Ольге — на часы в углу экрана.

— Через шесть минут начинается третий блок. Ольга, замените русский пункт на дословный вариант Сазонова и пометьте для юридического согласования. Артём, свободен.

Победа была слишком быстрой и потому не походила на победу. Ольга выделила спорное предложение и вставила фразу, которую он продиктовал. Текст стал соответствовать немецкому. В названии файла по-прежнему стояло `v4`.

— Сохраните, — сказал Артём.

— Она умеет сохранять документы, — ответил Кирилл.

Ольга нажала две клавиши. Внизу на секунду появилось: «Сохранено в общей папке».

Артём вышел в коридор. Дверь за ним закрылась, но замок не щёлкнул. Он сделал несколько шагов к залу, остановился у тележки с пустыми чашками и посмотрел на отражение двери в её металлической стенке. Через несколько секунд дверь открылась. Ольга вышла с пачкой бумаги и пошла в копировальную. Кирилл остался внутри.

Артём мог вернуться и потребовать, чтобы дверь не закрывали. Мог позвать сотрудника безопасности, однако тот

защищал порядок доступа, а не точность документов. Мог найти Нестерова, которому принадлежал архив, и тем самым сообщить корпоративному юристу, что начал искать историю файла.

Он пошёл за Ольгой.

Копировальная была бывшим гостиничным номером без кровати. Вместо неё вдоль стен стояли два больших принтера, уничтожитель бумаги и шкаф с пачками разного цвета. Ольга положила листы в верхний лоток и ввела код на маленькой панели.

— Я не собираюсь втягивать вас в спор, — сказал Артём.

— Уже втянули.

— Кто подготовил утренний шаблон?

— Группа.

— Вы?

Принтер загудел, прогреваясь. Ольга следила за полосой на панели.

— У нас общий вход.

— Поэтому в свойствах нет имени?

— Поэтому в свойствах стоит группа.

— А версии почему исчезли?

— Я не администратор.

— Вы сказали, что они архивируются автоматически.

— Потому что нам так сказали.

Из принтера вышел первый лист. Ольга сразу перевернула его текстом вниз. Артём увидел номер в нижнем углу: не

последовательный, а составленный из даты и кода комнаты.

— Вы видели мой комментарий на полях?

— Видела.

— Он был учтён в третьей версии?

— Я не могу обсуждать рабочие документы в копировальной.

— Это закрытая зона.

— Здесь камера.

Она сказала это не шёпотом и не посмотрела вверх. Артём увидел маленький чёрный полукруг над дверью. Камера была направлена на принтер и уничтожитель, чтобы никто не вынес лишний лист. Их разговор тоже оставался внутри системы.

— Тогда скажите только одно. Фраза о непрерывном использовании была в файле, который вы открыли утром?

Ольга собрала копии, постучала краем пачки о стол.

— Когда я открыла русский шаблон в семь сорок, там уже были заполнены пункты по лицензии, территории и дочерним обществам.

— Все как результаты встречи?

— Как варианты формулировок.

— В квадратных скобках?

Она посмотрела на него.

— Мне надо идти.

Ответа не было, но Артём его получил.

— Кто дал файл?

Ольга прижала пачку к груди.

— Входящие документы появляются в папке. Мы не спрашиваем, кто их принёс. Если спросим, работать будет некому.

Она вышла. Артём остался между принтерами. На панели верхнего аппарата ещё горело название задания: `DAY1RUSIGN\_v4`, пять копий, отправитель «Редакционная группа 2». Под ним мелко стояло время — 13:54. Он запомнил четыре числа. Записать их было негде.

Когда Артём вернулся к кабинам, третий блок уже начался. Майя переводила доклад инженера о переналадке линии. Лев сидел во второй кабине, но не говорил: на его пульте горела лампа прослушивания. Артём занял запасное место рядом с Майей. На столе лежал новый глоссарий версии 6.3.

Он пролистал к двадцать седьмой странице. Строка про лицензию осталась прежней. На следующей странице добавили выражение «continuity of use» — «непрерывность использования». В правой колонке стояла помета: «применять в итоговых документах».

Артём подвинул лист к Майе. Она продолжала переводить и только на секунду опустила глаза. Никакой реакции. Через минуту инженер назвал длительность остановки — сорок восемь часов, — и Майя ровно передала число.

Во время смены говорящих она отключила микрофон.
— Не сейчас, — сказала она одними губами.

Артём кивнул. За стеклом Кирилл разговаривал с Несте-

ровым. На этот раз оба смотрели в зал, но Артём уже не верил направлению чужого взгляда.

После сессии Майя первой сняла наушники.

— Ты видел шестую третью?

— Да.

— Нам сказали, что добавили термины из утреннего заседания.

— Этого термина не было.

— Было слово про непрерывность производства у Громова.

— Производства. Не лицензии.

Майя закрыла глоссарий.

— Ты хочешь, чтобы я сейчас согласилась с тобой в кабине, где всё пишется?

— Здесь пишется?

— Служебный канал точно. Насчёт комнаты не знаю.

— Кто сказал?

— Лев. Ему Кирилл устроил техническую свертку: заставил слушать запись утренней сессии и отмечать отклонения от глоссария. Не от оригинала — от глоссария.

— Где он?

— Кирилл оставил его заполнять объяснение.

Артём посмотрел через стекло. Вторая кабина была пуста. Лев уже ушёл, хотя его карандаш лежал возле пульта.

В редакционной Ольги не было. На левом компьютере стояла заставка, правый экран был погашен. Артём коснул-

ся клавиши. Появилось окно входа с именем общей учётной записи. Пароля он не знал.

На столе лежала распечатка немецкого итога. Рядом — пустое место, очерченное пылью, где несколько минут назад могла находиться русская пачка. Артём не тронул лист. В дверном стекле возникло отражение сотрудника безопасности.

— Вам назначена работа здесь?

— Ищу руководителя группы.

— Его нет.

— Я вижу.

— Тогда покиньте помещение.

Артём вышел. У стойки выдачи документов Ольга передавала пять русских копий женщине из секретариата российской делегации. Каждую копию сканировали по номеру. Женщина расписалась в журнале, сложила листы в синюю папку и ушла к лифту для участников.

— Это четвёртая версия? — спросил Артём.

Ольга вздрогнула.

— Итоговый русский текст.

— С моей правкой?

— Я сохранила то, что вы продиктовали.

— Это не ответ.

Сотрудник безопасности повернул к ним голову. Ольга поправила перевернутый пропуск.

— В документе стоит согласованная формулировка.

— Согласованная кем?

— Руководителем группы и юридической службой.

— Покажите одну копию.

— Все выданы.

— Откройте файл.

— У меня другая задача.

Она ушла в копировальную. Сотрудник безопасности подошёл ближе.

— Господин Сазонов, не задерживайте движение документов.

— Я должен проверить языковой лист.

— В списке допуска на сегодня ваша проверка закончена в четырнадцать ноль-ноль.

— Кто поставил время?

— Руководитель вашей группы.

На стойке лежал распечатанный график. Напротив фамилии Артёма стояли две строки: «проверка, 13:40–14:00» и «кабина 1, 14:00–16:10». График был напечатан утром; в верхнем углу значилось 06:52. Ещё до первой встречи кто-то знал, что Артёма позовут проверять итог ровно в этот промежуток.

— Можно посмотреть утреннюю редакцию графика?

— Это и есть утренняя редакция.

— Тогда почему Кирилл позвал меня в тринадцать тридцать пять?

Сотрудник безопасности не ответил. Для него расхожде-

ние в пять минут не имело значения. Для Артёма значение имело другое: проверка была назначена до того, как он возразил против первой формулировки. Его участие тоже входило в шаблон.

В половине пятого открыли десятиминутное окно для личной связи. У стойки выстроилась очередь. Конверты с телефонами выдавали по одному; звонить разрешалось в холле шестого этажа, где работала глушилка закрытой зоны, а сотрудник записывал время возвращения. Артём получил конверт номер 173. Пломба была цела.

На экране стояли два пропущенных звонка от Вари и сообщение: «Позвони, когда сможешь. Не страшно, но лучше сегодня».

Он нажал вызов. Варя ответила сразу, будто держала телефон в руке.

— Ты где?

— В гостинице. У меня десять минут. Что случилось?

— Я же написала, не страшно.

— Люди пишут «не страшно», когда уже придумали, чего испугаться.

— Тогда ты тоже человек.

Её голос звучал обычно, и от этого Артём впервые за день почувствовал, насколько ненормальным стал его собственный голос — тихий, рубленый, всё время готовый к тому, что фразу истолкуют не так.

— Варя.

— Звонила Оксана Павловна. Хочет перенести визит.

— На когда?

— Сказала, что уточнит завтра. Может, на эту неделю.

До командировки они согласовали визит на следующий вторник, уже после его возвращения. Артём оставил у соседки запасной ключ, составил список телефонов, договорился с Вариным классным руководителем и дважды показал инспектору билеты. Всё это не делало тринадцатилетнего ребёнка взрослым. Оно лишь превращало отсутствие опекуна в перечисление мер.

— Ты сказала, что меня нет?

— Она знает, что тебя нет. Спросила, кто ночует в квартире.

— И что ты ответила?

— Правду.

Артём закрыл глаза. В холле гудел автомат с водой. Рядом мужчина из иностранной делегации говорил по-французски, отвернувшись к стене. Сотрудник у лифта отмечал минуты.

— Какую именно правду?

— Что тётя Лена приходит вечером, но не ночует. Ты сам говорил ничего не сочинять.

— Правильно сказала.

— По голосу не похоже.

— Я думаю.

— Не думай обо мне как о пункте в анкете.

— Я не думаю.

— Думаешь. У тебя такой голос, когда ты хочешь перевести меня на взрослый язык.

Он сел на низкий подоконник. За стеклом внизу двигались машины. После закрытого этажа обычная улица казалась непозволительно открытой.

— Я постараюсь приехать, если визит назначат раньше.

— А тебя отпустят?

— Это работа, не тюрьма.

Фраза прозвучала слишком быстро. Варя помолчала.

— Ладно. У меня всё. Алгебру сделала, суп съела, дверь никому не открываю. Можешь поставить галочки.

— Я не ставлю галочки.

— Ставишь. Просто в голове.

Сотрудник показал Артёму раскрытую ладонь: пять минут.

— Позвони тёте Лене и попроси сегодня остаться, — сказал он. — Я тоже ей напишу.

— У неё завтра смена с семи.

— Тогда пусть уйдёт рано.

— Ты опять решаешь за всех из гостиницы.

— Я отвечаю за тебя.

— Это не одно и то же.

Он услышал в её словах утренний спор и чуть не рассмеялся. Срок действия не означал непрерывность. Забота не означала право решать каждую чужую фразу. Если свести разные вещи в одну, документ становился удобнее, а человек

— тише.

— Хорошо, — сказал Артём. — Спроси её, может ли она остаться. Не проси от моего имени. Потом напиши мне ответ.

— Так лучше.

— И если Оксана Павловна позвонит ещё раз, отвечай как есть.

— Я иначе не умею.

Время закончилось. Артём успел сказать, что перезвонит вечером, хотя не знал, дадут ли второе окно. Он выключил телефон, вложил в тот же конверт и протянул сотруднику. Тот проверил номер и заклеил клапан новой полоской.

На седьмом этаже его ждал Кирилл.

— Семейные дела?

— Да.

— Что-то срочное?

— Пока нет.

— Хорошо. Значит, можешь вернуться к документу.

— К какому именно?

Кирилл подал ему языковой лист. В русской колонке стояла фраза о непрерывном лицензионном использовании. Правку Артёма удалили. Внизу уже стояли инициалы Кирилла и время 14:07.

— Это не тот текст, который я проверил.

— Юристы отклонили твой вариант как сужающий предмет обсуждения.

— Немецкий текст тоже изменили?

— Нет.

— Тогда колонки снова не совпадают.

— Поэтому я и принёс языковой лист. Напиши замечание, если считаешь нужным.

Артём взял лист. На полях не было места для длинной фразы: только узкая строка «Особые мнения». Он написал: «Русский пункт 4 расширяет немецкий: срочная лицензия заменена непрерывным использованием». Поставил инициалы и время.

Кирилл прочёл.

— Теперь всё по правилам?

— Где хранится этот лист?

— Вместе с итогом дня.

— Покажите номер связи.

— Завтра, когда его зарегистрируют.

— Почему завтра?

— Потому что реестр закрывают после последней сессии.

— А копию?

— Переводчикам копии не выдаются.

Кирилл забрал лист и вложил в папку. На этот раз Артём не отпустил край.

— Я хочу увидеть, как его регистрируют.

— У тебя нет допуска к реестру.

— Тогда пригласите меня свидетелем.

— Свидетелем чего?

— Того, что замечание останется при документе.

Несколько секунд они держали один лист вдвоём. Бумага натянулась и тихо хрустнула у скобы.

— Отпусти, — сказал Кирилл.

Артём отпустил.

— Ты превращаешь обычную редактуру в расследование.

— Обычная редакция сохраняет версии.

— А хороший переводчик сохраняет работу.

Кирилл ушёл в сторону редакционной. Артём смотрел ему вслед, пока папка не скрылась за матовой дверью. Потом подошёл к стойке документов.

— Мне нужно зафиксировать запрос на историю версий русского итога дня, — сказал он сотруднику безопасности.

— Такие запросы подаёт руководитель группы.

— Руководитель отказался.

— Тогда запрос отклонён.

— Запишите, что я его подавал.

Сотрудник поднял глаза.

— У нас нет журнала отклонённых устных запросов.

— У вас есть журнал отклонений. Туда положили мой лист из кабины.

— Это журнал режимных отклонений.

— Значит, запишите как режимное. Я попросил доступ к файлу без разрешения руководителя.

Сотрудник долго смотрел на него, пытаясь понять, ловушка это или добровольное признание. Затем достал бланк.

— Формулировку диктуете вы?

— Да. «В шестнадцать пятьдесят две переводчик Артём Сазонов запросил историю версий файла русского итога первого дня для проверки соответствия языковых колонок. В доступе отказано в связи с отсутствием разрешения администратора документов».

— Последняя часть — моя.

— Тогда напишите сами.

Сотрудник заполнил две строки, развернул бланк. Артём прочёл. Время и суть запроса стояли точно. Причину сотрудник сократил до «нет допуска».

— Подпись здесь.

Артём подписал.

Теперь у него не было первоначального файла, копии замечания и доказательства, кто менял текст. Была только запись о том, что он искал версию, которой в общей папке больше не существовало.

Кирилл остановился у двери редакционной. Наверняка он видел бланк. Лицо его осталось спокойным, но папку он прижал к боку крепче.

В семнадцать ноль три общая папка обновилась. На экране у стойки мигнул список доступных переводчикам материалов. Артём подошёл достаточно близко, чтобы прочесть названия.

Русский итог первого дня назывался
`DAY1RUSIGN\_FINAL`.

Рядом с ним не было значка истории.

Немецкий файл сохранил имя `DAY1DEv1`.

Утренний шаблон, вторая, третья и четвёртая версии исчезли. Словно между пустой страницей и документом для подписи не происходило ничего, что требовало человеческого решения.

Глава 3. Десять минут связи

Вечернего окна для звонков не было.

В восемнадцать тридцать на экранах у лифтов появилась надпись: «Личная связь отменена по режимным причинам. Следующее окно — 08:00–08:20». Сотрудник безопасности прочёл её вместе со всеми и убрал журнал выдачи телефонов под стойку. Никто не объяснил, что произошло. Участники переговоров поворчали и разошлись по номерам. Для большинства отмена означала один вечер без сообщений. Для Артёма — ночь, в которую визит инспектора мог получить дату, а он узнал бы её только утром.

— Можно получить телефон на две минуты? — спросил он.

— Окно закрыто.

— Мне должны сообщить время визита органа опеки.

— Медицинская чрезвычайная ситуация?

— Нет.

— Угроза жизни?

— Нет.

— Тогда в восемь утра.

— Речь о ребёнке, который сейчас один дома.

Сотрудник поднял взгляд от журнала.

— Вы оставили ребёнка одного?

Вопрос был задан без осуждения. Тем хуже: он уже звучал

как строка в акте.

— Ей тринадцать. Вечером приходит взрослая родственница. Я прошу проверить сообщение от инспектора.

— Если ребёнок в безопасности, оснований для внеплановой выдачи нет. Если не в безопасности, сообщите, и мы вызовем службу.

Между этими двумя вариантами не оставалось места для обычной тревоги. Артём мог либо признать, что всё устроил, либо официально объявить устройство недостаточным.

— В безопасности, — сказал он.

— Тогда в восемь утра.

В столовой ужинали сменами. Артём взял поднос и сел напротив Льва. Тот ел один, хотя за соседним столом оставалось место рядом с Майей. Его пропуск был приколот к карману криво, край рубашки выбился из брюк. На костяшке указательного пальца темнело графитовое пятно.

— Где твой карандаш? — спросил Артём.

Лев посмотрел на руку.

— Забрали как орудие преступления.

— Что написал в объяснении?

— Что дважды перевёл термин не по шестой второй.

— Ты переводил по смыслу?

— Я переводил то, что слышал.

— А в объяснении?

— В объяснении я переводил то, что от меня хотели услышать.

Лев отодвинул котлету и начал размазывать вилкой пюре. Утром он шутил про размножающиеся версии, теперь каждое слово выпускал после проверки.

— Что именно тебе включали на сверке?

— Запись двух фрагментов. Там Вайс говорит «временная», а ты говоришь «временная». Потом Кирилл показывает строку глоссария и спрашивает, почему ты допустил отклонение.

— Почему я?

— Потому что проверяли группу. Моё отклонение было во второй кабине: я сказал «срок действия будет согласован» вместо «условия будут пересмотрены».

— Это точнее оригинала.

— Я знаю. Теперь у меня есть бумага, где написано, что я нарушил утверждённую терминологию.

— Ты подписал?

Лев поднял глаза.

— А ты не подписал бы?

Артём вспомнил бланк у стойки, на котором сам зафиксировал запрос к исчезнувшей версии. Любой документ можно было считать защитой, пока не выяснялось, в какую папку его положили.

— Не знаю.

— Вот именно.

К их столу подошла Майя с чашкой чая.

— Можно?

Лев молча подвинул поднос. Она села между ними, положила на стол сложенную салфетку.

— Ольга уехала, — сказала она.

— Домой? — спросил Артём.

— С этажа. Её пропуск закрыли в семнадцать сорок. Завтра будет другой редактор.

— Откуда знаешь?

— Я спросила у размещения, где она будет завтракать. Мне сказали, что её номер освободили.

— Может, её смена закончилась.

— Все редакторы живут здесь десять дней. Так было в памятке.

Лев положил вилку.

— Она что-то тебе сказала?

— Только что получила утром заполненный шаблон.

Майя посмотрела на камеру в углу столовой. Здесь их было две: одна над входом, другая возле линии раздачи.

— А ты спросил это где?

— В копировальной.

— Отличное место.

— Другого не было.

— Теперь и Ольги нет.

Артём почувствовал, как в нём поднимается готовое оправдание: он не просил её нарушать правила, не называл её имени, не мог знать, что после разговора её уберут. Всё было верно и не меняло результата.

— Она сказала это на камеру, — произнёс он.

— Тем более, — ответила Майя.

Лев оглянулся на дверь.

— Я утром попрошу замену.

— На другую кабину? — спросил Артём.

— Из проекта.

— Почему?

— Потому что хочу выйти отсюда до того, как мне объяснят, что я сам придумал немецкий язык.

Майя развернула салфетку. Внутри ничего не было. Она, видимо, сложила её, чтобы занять руки.

— Если уйдёшь сейчас, напишут, что ты не прошёл проверку, — сказала она.

— Пусть.

— И кто тогда подтвердит, что слышал те же слова?

— Ты.

— Я работала в другой кабине.

— Артём подтвердит.

— Артём уже в журнале отклонений.

Лев коротко улыбнулся.

— Значит, у вас образцовая группа свидетелей.

Он отнёс поднос и вышел, не попрощавшись.

Артём остался с нетронутой едой. В памяти всё время всплывала Варина фраза: «Не думай обо мне как о пункте в анкете». Он думал не о ней, а о следующем разговоре с инспектором, о запасном ключе, тёте Лене, ночах, расписании

школы. Превращал живой вечер в доказательства надлежащей заботы и понимал это только потому, что Варя успела назвать его привычку.

— У тебя действительно ребёнок один? — спросила Майя.

— Племянница. Ей тринадцать. Вечером приходит родственница.

— А ночью?

— Одна.

Майя не стала говорить, правильно это или нет.

— Я могу попросить телефон у своего руководителя, — сказала она. — У меня другой договор, там есть экстренный контакт.

— И позвонить Варе?

— Или твоей родственнице.

Артём представил, как в журнале появляется ещё одна запись: переводчик использовал чужой экстренный доступ для личной связи. После исчезнувших файлов любая уступка казалась частью будущего обвинения.

— Спасибо. Не надо.

— Тогда перестань смотреть на лифт так, будто собираешься спуститься по тросу.

— Я дождусь утра.

— Это всего двенадцать часов.

— Для переговоров — ничего. Для визита опеки — достаточно, чтобы решение приняли без меня.

Майя допила чай.

— Решение об опеке принимают за одну ночь?

— Нет. Но мнение о тебе иногда принимают за минуту.

Потом месяцами доказываешь, что минута была не всей жизнью.

Она кивнула, будто эта фраза относилась не только к опеке.

В двадцать один час Артём поднялся в свой номер на девятом этаже. Участников селили выше закрытых переговорных, но доступ между этажами контролировал лифт. В номере не было стационарного телефона: аппарат сняли, провод убрали в заглушку. На письменном столе лежал гостиничный блокнот. Первая страница предупреждала, что записи из номеров рабочей группы могут быть изъяты при выезде.

Артём написал дату. Ниже — четыре числа, которые запомнил у принтера: 13:54, пять копий, четвёртая версия. Посмотрел на запись и вырвал лист. Потом остановился. Если уничтожить, числа останутся только в памяти. Если оставить, заметку найдут. Если спрятать, само укрытие превратится в нарушение.

Он сложил лист пополам и положил в карман рубашки. Это ещё не было выносом из закрытой зоны: номер входил в неё. Объяснение успокаивало ровно до двери.

В дверь постучали.

На пороге стоял Кирилл. В руках у него были две бутылки воды и белый телефон без чехла.

— Не спишь?

— Девять вечера.

— В командировках люди умеют спать в любое время.

Кирилл вошёл, не дожидаясь приглашения, поставил воду на стол и сел в кресло у окна. Телефон положил экраном вверх.

— Ты просил внеплановую связь.

— Откуда знаете?

— Безопасность сообщила. Причина семейная.

— Они сообщают вам все мои просьбы?

— Я отвечаю за группу. Если переводчик хочет нарушить режим из-за семейной беды, лучше я узнаю до нарушения.

— Беды нет. Нужно проверить сообщение.

Кирилл подвинул телефон к краю стола.

— Звони.

Артём не взял аппарат.

— Чей он?

— Дежурный. Без камеры, без почты, только разрешённые номера.

— Номер Вари разрешён?

— Введёшь сам.

— Тогда он не только с разрешёнными номерами.

— Артём, это телефон, а не договор. Не ищи противоречие в каждой фразе.

Экран погас. В чёрном стекле отражался потолочный светильник и рука Кирилла на подлокотнике.

— Почему безопасность не выдала его у стойки?

— Потому что официальных оснований нет. Я даю тебе возможность как руководитель.

— В журнале?

— Без журнала.

— Тогда завтра окажется, что я пользовался неучтённой связью.

Кирилл откинулся в кресле.

— Ты правда думаешь, что я принёс тебе ловушку в собственный номер?

— Я думаю, что сегодня исчезли четыре версии документа, а мой комментарий живёт только в вашей папке.

— Три версии. Четвёртая стала финальной.

Артём не сразу понял, что услышал.

— Вы говорили, что промежуточные файлы в рабочей папке.

— Были. Потом их перенесли в архив.

— Значит, вы знаете, сколько их.

— Разумеется, знаю. Я руководитель группы.

— И видели историю?

— Видел достаточно.

— Кто внес строку до встречи?

Кирилл взял одну бутылку, открутил крышку и сделал глоток.

— Мы сейчас о твоей племяннице или о лицензии?

— Вы принесли одно вместе с другим.

— Нет. Это ты не умеешь на десять минут отложить работу ради ребёнка.

Удар был точным, потому что в нём оставалась доля правды. Артём весь вечер прокручивал названия файлов, хотя должен был думать, кто останется с Варей ночью. Он взял телефон.

— Я позвоню при сотруднике безопасности.

— Окно закрыто.

— Тогда верну утром.

— Утром телефон тебе уже не понадобится.

— Почему?

— Потому что будет общее окно.

— Значит, сейчас он нужен не мне.

Кирилл закрутил крышку.

— Хорошо. Давай без загадок. Ты ставишь меня в положение, где я должен выбирать между режимом и твоей семейной ситуацией. Я выбираю тебя. В ответ ожидаю, что завтра ты не будешь останавливать работу группы из-за каждой редакторской версии.

— То есть звонок в обмен на молчание.

— В обмен на профессиональную соразмерность.

— Как она измеряется?

— Очень просто. Если перевод соответствует утверждённому глоссарию, замечания обсуждаются внутри группы. Ты не требуешь архив, не разговариваешь с редакторами в копировальной и не создаёшь режимные записи, чтобы дока-

зять собственную правоту.

— А если глоссарий меняет смысл?

— Сообщаешь мне один раз. Я принимаю решение и отвечаю за него.

— Перед кем?

— Перед заказчиком.

— Не перед людьми за столом?

— Они и есть заказчики.

— Обе стороны?

Кирилл помолчал. В гостиничном коридоре проехала тележка, затем звякнул лифт.

— Ты знаешь, кто заключил с нами договор.

— «Альтаир».

— Значит, знаешь ответ.

Артём положил телефон обратно на стол.

— Я дождусь утра.

— А если инспектор назначит визит на восемь тридцать?

— Тогда попрошу официально отпустить меня.

— Из закрытого проекта посреди второго дня.

— Да.

— И что напишет твой работодатель в характеристике для опеки?

Теперь угроза была произнесена почти полностью, но Кирилл оставил ей вид заботы. Он не сказал, что даст плохую характеристику. Лишь предложил Артёму самому представить документ.

— Напишет правду, — сказал Артём.

— Правда бывает подробной. Например: нарушал порядок работы, конфликтовал с руководителем, требовал доступ к закрытым материалам, покинул проект без замены. Всё по отдельности точно. Вместе создаёт впечатление.

— Вы уже готовите характеристику?

— Я объясняю последствия.

— Вы знаете про постоянную опеку больше, чем я вам рассказывал.

— Ты просил справку о занятости. В запросе была указана цель.

— Там не было даты визита.

— И я её не знаю.

Кирилл встал. Телефон он оставил на столе.

— До утра подумай. Аппарат выключен, входящих не принимает. Если решишь позвонить, включи и набери номер. Если нет — утром отдашь мне. Я не буду проверять журнал вызовов.

— У него есть журнал?

— У любого телефона есть.

— Тогда кто-то проверит.

— Кто-то всегда может проверить, Артём. Вопрос не в этом. Вопрос в том, доверяешь ли ты человеку, который принёс тебе связь, когда правила её не дают.

— Доверие без записи удобно тому, кто держит запись.

Кирилл посмотрел на него с усталостью, которой утром

не было.

— Я учил тебя не делать из перевода исповедь. Похоже, плохо объяснил.

Он вышел. Телефон остался.

Артём не прикасался к нему почти час. Принял душ, повесил рубашку на спинку стула, переложил сложенный лист с числами в карман пиджака. Попытался читать материалы завтрашней сессии, но взгляд возвращался к белому прямоугольнику.

В двадцать два семнадцать экран сам загорелся.

На нём появилось уведомление: «Нет сети». Через секунду оно исчезло. Значит, аппарат был не выключен, как сказал Кирилл. Он находился в режиме, который не видел гостиничную сеть, или глушилка перекрывала сигнал. Артём поднял телефон, не касаясь кнопок. В верхнем углу стоял значок самолёта.

Он открыл быстрые настройки. Режим полёта был включён. Если его снять, телефон регистрируется в сети, и время станет видно оператору. Это и будет журнал, даже если стереть вызов на аппарате.

Артём положил его обратно.

В двадцать три ноль пять в дверь снова постучали. На этот раз пришла сотрудница размещения с конвертом.

— Вам служебное сообщение.

Внутри лежала распечатка письма. Отправителем значилась Оксана Павловна, инспектор отдела опеки. Она под-

тверждала внеплановый визит послезавтра в девять утра и просила обеспечить присутствие Артёма и Вари. Внизу стояла приписка от кадровой службы «Альтаира»: работодатель уведомлён о необходимости присутствия сотрудника, решение о выходе с объекта принимает руководитель проекта.

— Когда пришло письмо? — спросил Артём.

— В двадцать один сорок три.

— Почему передали сейчас?

— Сначала руководителю группы, потом он разрешил доставку.

— Кирилл Савельев прочёл его?

— Служебные сообщения поступают открытыми.

Артём расписался на конверте. Значит, Кирилл уже знал дату, когда принёс телефон. Знал и то, что звонок не изменит назначенного визита. Он предложил не помощь, а нарушение, которое можно было связать с будущей характеристикой.

Белый телефон лежал на столе между ними.

Сотрудница заметила его.

— Это не номерной аппарат гостиницы.

— Его оставил руководитель переводческой группы.

Она посмотрела на Артёма внимательнее.

— Мне отметить наличие устройства?

Ещё одна развилка, приготовленная чужими руками. Если скрыть телефон, Кирилл получит молчание. Если отметить, устройство изымут, а Кирилл скажет, что пытался по-

мочь. Но запись хотя бы не исчезнет вместе с версией рассказа.

— Да, — сказал Артём. — Отметьте, что аппарат принёс Кирилл Савельев в двадцать один час для внепланового личного звонка. Я его не включал и вызовов не совершал.

— Он сейчас в режиме полёта, но не выключен.

— Так и напишите.

Сотрудница достала планшет. Артём продиктовал ещё раз, медленнее. Она дала ему прочесть запись и принять её одноразовым кодом с гостиничного экрана. Затем положила телефон в пакет, заклеила и унесла.

В комнате стало легче и страшнее. Артём сел на кровать с письмом инспектора. Послезавтра в девять. Чтобы успеть домой, нужно было уехать завтра вечером или ранним утром через день. По правилам замена переводчика требовала двенадцать часов на передачу материалов и согласование нового допуска. Если подать запрос утром, формально времени хватало.

Он перечитал приписку кадровой службы. Решение принимал руководитель проекта — тот самый человек, который только что предложил обменять связь на бесспорную лояльность.

Артём положил письмо на стол, рядом с двумя бутылками воды. Одну Кирилл открыл, вторую оставил запечатанной. Даже здесь предметы делились на те, к которым уже прикасались, и те, чью целостность ещё можно было доказать.

Утром телефонное окно началось ровно в восемь. Артём пришёл первым. Конверт номер 173 выдали под подпись. Он позвонил Варе.

— Я знаю про послезавтра, — сказала она вместо приветствия. — Оксана Павловна написала и мне.

— Я приеду.

— Точно?

— Подам запрос сегодня.

— Это не точно.

— Если не отпустят, уеду всё равно.

— И тебя уволят?

Артём посмотрел на сотрудника, отмечавшего минуты. За ним у стены стоял Кирилл.

— Возможно.

— Тогда не говори за две минуты то, за что потом будешь злиться на меня два года.

— Я не буду злиться на тебя.

— Ты будешь злиться на всех сразу. Это считается.

— Варя, визит касается нас обоих. Я обещал быть.

— Тогда скажи: «Я решил приехать». Не «ради тебя».

Он провёл ладонью по холодному подоконнику.

— Я решил приехать.

— Вот теперь точно.

Она рассказала, что тётя Лена осталась на ночь и ушла в шесть двадцать, оставив записку на холодильнике. Оксана Павловна попросила не убирать комнату специально и при-

готовить школьные документы. Варя уже сложила их в синюю папку, но справку о его занятости искать не стала.

— Правильно. Ничего не ищи в моём столе.

— Потому что там секретные документы?

— Нет.

Ответ прозвучал резко. Варя замолчала.

— Прости. Там нет рабочих документов. Просто не надо готовить квартиру к проверке как сцену.

— Я и не собиралась.

— Знаю.

— Не знаешь. Ты сейчас всё время отвечаешь не мне, а женщине, которая будет задавать вопросы послезавтра.

Осталась одна минута.

— Тогда спроси меня сама.

— Ты приедешь?

— Да. Я решил приехать.

— Хорошо.

Они попрощались. Артём вернул телефон, дождался новой пломбы и только потом подошёл к Кириллу.

— Мне нужен выезд завтра вечером. Визит назначен на девять послезавтра.

— Я видел письмо.

— Поэтому и принесли аппарат?

— Поэтому хотел дать тебе возможность поговорить с ребёнком до утра.

— Аппарат изъяли и зарегистрировали.

Кирилл не удивился.

— Я знаю.

— Тогда зачем оставили его?

— Чтобы понять, способен ли ты принять помощь без превращения её в улику.

— А мой выезд?

— Обсудим после утренней сессии.

— Запрос нужно подать сейчас, чтобы успеть согласовать замену.

— Замена пока не требуется.

— Я уеду.

— Тогда тем более сначала закончи свою работу.

Кирилл протянул ему глоссарий 6.3. Между страницами лежал лист с расписанием: с девяти до одиннадцати Артём должен был переводить закрытую встречу технических директоров. Кирилл на ней не числился.

— После сессии, — повторил он. — И без новых записей в журналах. Вчерашний спектакль уже заметили люди, от которых зависит твоя характеристика.

— Это условие выезда?

— Это совет человека, который пока ещё может написать, что ты надёжен.

Кирилл ушёл к лифту. Артём раскрыл глоссарий. На первой странице стояла подпись начальника группы и время утверждения — 22:26. Через сорок три минуты после того, как Кирилл получил письмо инспектора, и за девять минут

до того, как передал его Артёму.

Три новые строки касались технической встречи, на которой Кирилл не должен был присутствовать.

Глава 4. Слово наставника

В девять без трёх Кирилл проводил Артёма до двери малого зала, хотя сам в списке допуска не значился.

У двери стояли две стойки. На первой сотрудник безопасности сверял пропуска, на второй помощница технического директора собирала бумаги в серые папки. У Артёма забрали даже распечатанное расписание. Глоссарий 6.3 разрешили внести только после того, как Кирилл раскрыл его на странице с тремя новыми строками и показал красный штамп.

— Вернётся лично мне, — сказал он.

— После сессии я подаю запрос на выезд.

— После сессии поговорим.

— Мне нужна замена к вечеру.

— Тебе сейчас нужна ясная голова.

Кирилл произнёс это негромко, почти по-старому. Так он говорил перед первым самостоятельным синхронном Артёма одиннадцать лет назад: не желал удачи, не хлопал по плечу, а называл одну вещь, которую следовало удержать. Тогда это помогало. Теперь та же интонация делала любой приказ похожим на заботу.

Сотрудник безопасности указал Кириллу на синюю черту перед дверью.

— Дальше только участники.

— Знаю, — ответил Кирилл. — Я лишь передаю перевод-

чика.

Будто Артём был оборудованием, за исправность которого расписывались при выдаче.

В малом зале не было кабины. За овальным столом сидели шесть человек: технический директор «Альтаира» Сергей Брагин, двое его инженеров, Ханна Вайс, специалист по производству Мартин Келлер и иностранная юристка Эва Новак. Последовательный перевод делал разговор медленнее и опаснее синхронного: после каждой реплики наступала пауза, в которой все смотрели на Артёма и ждали, какие именно слова он вернёт на другую сторону стола.

На стене висел экран с чертежом насосного узла. Под ним красным цветом отмечались детали, которые предполагалось производить на заводе «Альтаира». Рядом стояла тележка с водой. Никаких компьютеров, блокнотов и телефонов. Помощница записывала решения от руки на листах с пронумерованными полями.

— Обсуждение закрытое, — напомнил Брагин. — В общий итог идут только согласованные решения. Рабочие сомнения в итог не заносим.

Артём перевёл дословно. Ханна подняла глаза.

— Сомнения могут стать решениями, если их не убрать до того, как мы их обсудили.

Её ответ он тоже передал без сглаживания. Брагин постукал пальцем по столу, но спорить не стал.

Первые двадцать минут говорили о допусках толщины.

Здесь глоссарий помогал. Артём знал общие термины, но не различал на слух названия двух способов обработки. В версии 6.3 они стояли рядом с понятными определениями. Он следовал им и чувствовал почти физическое облегчение от того, что слово совпадает с предметом: вот кромка на чертеже, вот измерение, вот русское и немецкое название, которые ведут к одной детали.

Затем Келлер переключил экран на схему датчиков.

— Если местный поставщик меняет тип чувствительного элемента, повторное согласование обязательно, — сказал он.
— Даже когда корпус и разъём остаются прежними.

Артём перевёл.

Брагин повернулся к инженеру справа.

— Это у нас и так в порядке входного контроля.

Инженер покачал головой.

— Входной контроль проверяет параметры партии. Согласование типа — изменение документации.

— Они хотят согласовывать каждую замену датчика?

Келлер понял слово «датчик» и наклонился вперёд, ожидая перевод. Артём передал вопрос.

— Не каждую замену датчика, — ответил Келлер. — Каждую замену принципа измерения. Если прежний элемент недоступен, вы предлагаете равноценный. Мы не можем запретить производство из-за одной снятой с продажи детали.

В глоссарии напротив выражения «равноценный элемент» стояло: «функциональный аналог, допускаемый без

повторного согласования». Артём увидел строку ещё до того, как закончил слушать. Немецкая реплика не говорила «без повторного согласования». Напротив, Келлер только что назвал предложение со стороны завода условием продолжения работы.

Артём перевёл так, как услышал:

— Если прежний элемент недоступен, вы можете предложить равноценную замену. Мы рассмотрим её, чтобы производство не остановилось из-за детали, снятой с продажи.

Брагин посмотрел в свой лист.

— Рассмотрят или мы ставим функциональный аналог?

— Он сказал: вы предлагаете равноценный элемент. Одобрение не обещал и автоматического допуска не назвал.

— В словаре что?

Вопрос был адресован помощнице, но ответить могла только она через Артёма. Помощница не знала языка. Артём положил ладонь на раскрытую страницу.

— В глоссарии сказано «допускаемый без повторного согласования». Это шире прозвучавшей реплики.

За столом стало тихо. Помощница перестала писать.

Брагин вытянул руку.

— Покажите.

Артём не имел права передавать глоссарий участнику без допуска к документу. Он повернул книгу так, чтобы русский текст был виден с места Брагина, но не выпустил её из рук.

— Этот словарь кто утвердил?

— Руководитель переводческой группы.

— На основании чего?

— Мне это неизвестно.

Эва попросила перевести их обмен. Артём перевёл. Брагин поморщился.

— Внутреннее рабочее уточнение. К предмету встречи не относится.

— Если внутреннее уточнение определяет, что вы услышите вместо наших слов, оно относится к предмету, — сказала Эва.

Ханна положила ладонь на стол, останавливая её.

— Давайте сначала решим вопрос с заменой элемента. Мартин, сформулируйте ещё раз.

Келлер посмотрел не на Артёма, а прямо на Брагина и заговорил медленно:

— Равноценность замены подтверждается испытанием. До письменного подтверждения новый тип нельзя считать согласованным.

Артём повторил по-русски. В эту минуту перевод был прост: каждое существительное имело предмет, каждый глагол — действие. Не было намерения сделки, которое следовало угадывать за говорящим. Был запрет считать неподтверждённое подтверждённым.

Помощница записала фразу в поле решения. Брагин попросил зачитать. Она прочла: «Функциональный аналог допускается после подтверждения равноценности испытанием

и письменного согласования».

Келлер выслушал обратный перевод и кивнул.

Глоссарий остался раскрытым перед Артёмом. Красный штамп Кирилла стоял внизу страницы, точно под строкой, которую только что отвергли обе стороны.

Дальше обсуждали ответственность за остановку линии. Здесь появилась вторая новая строка: «поставщик отвечает за прямые подтверждённые убытки» было заменено в русском варианте на «поставщик участвует в устранении последствий». Артём ждал, когда кто-нибудь произнесёт близкую фразу, но участники спорили о сроках уведомления, запасе деталей и доступе специалистов на завод. Строка из глоссария так и не понадобилась.

Третья касалась права владельца патента запросить образцы. О ней тоже не заговорили.

Сессия закончилась в десять пятьдесят две. Помощница пронумеровала четыре заполненных листа, зачеркнула пустые поля и сложила их в папку. Брагин задержал Артёма у стола.

— Вы раньше видели эту формулировку про датчик?

— Сегодня утром в глоссарии.

— Я спрашиваю не где увидели. Откуда она взялась?

— Не знаю.

— Ваш руководитель готовил словарь по нашим материалам.

— Вероятно.

— Не вероятно. Он подписал документ.

— Подпись подтверждает утверждение версии, но не показывает источник каждой строки.

Брагин нахмурился.

— Вы сейчас защищаете его или себя?

Вопрос напоминал два варианта у стойки безопасности: ребёнок либо в безопасности, либо нет. Любой ответ уже содержал признание.

— Я отделяю то, что видел, от того, чего не знаю.

— Это и есть ваша проблема, Сазонов. Вы так старательно отделяете слова, что забываете, зачем люди собрались.

— Чтобы договориться об условиях производства.

— Чтобы запустить производство. Договориться можно до пенсии.

Эва и Ханна ждали у двери. Брагин заметил их и закончил разговор:

— Передайте Савельеву, что я жду его у себя в двенадцать.

— Вы можете вызвать его через помощницу.

— Я уже передал.

Артём не ответил. Он не хотел становиться носителем устного распоряжения, которое нельзя было проверить, но отказать означало начать новый спор у открытой двери.

В коридоре сотрудник безопасности забрал глоссарий в серый пакет. По правилам Кирилл должен был получить его у стойки под подпись. Артём назвал номер документа и до-

ждался, пока сотрудник внесёт время — 10:56.

— Руководитель просил вернуть лично, — сказал он.

— Лично можно после оформления.

Это сказал не Артём, а сотрудник, и от простой неизбежности правила стало спокойнее.

Кирилл ждал за синей чертой. Увидев пакет в руках безопасности, он едва заметно улыбнулся.

— Даже словарь сдал через свидетеля?

— Таков порядок.

— Порядок позволяет передать его руководителю группы.

Сотрудник посмотрел в журнал.

— Позволяет после подписи. Распишитесь здесь.

Кирилл расписался и взял пакет.

— Как прошло?

— Брагин ждёт вас в двенадцать.

— Что-нибудь ещё?

— Да. Строка о функциональном аналоге не совпала с репликой Келлера. Участники согласовали письменное подтверждение после испытаний.

— Он снова сказал про снятую с производства деталь?

Артём услышал вопрос и не ответил. В коридоре за дверью шумела вентиляция. Помощница технического директора несла папку к лифту. Сотрудник безопасности закрыл журнал и занялся следующими пропусками.

— Что? — спросил Кирилл.

— Почему «снова»?

— Потому что они обсуждают одно и то же третий месяц.

— На предыдущих встречах Келлера не было.

— Был его отдел.

— Я переводил две из них. Про снятую с производства деталь никто не говорил.

— Значит, было в материалах.

— В каких?

Кирилл постучал пальцем по пакету.

— Артём, у нас сотни страниц переписки. Я не обязан помнить, в каком приложении прочёл очевидный пример.

Пример действительно был очевидным. Любой инженер мог привести его сам. Но Кирилл спросил не о детали вообще. Он спросил, сказал ли Келлер «снова» про деталь, снятую с производства, — точный образ из закрытой реплики, произнесённой меньше часа назад.

— Вы знали не только тему, — сказал Артём. — Вы знали его формулировку.

— Я составил глоссарий к встрече. Разумеется, я знаю тему.

— Вас не было в зале.

— И поэтому мне нельзя понимать, о чём говорят заказчики?

— Можно. Нельзя выдавать знание точной реплики за догадку.

Кирилл посмотрел на сотрудника безопасности. Тот находился достаточно близко, чтобы слышать, но журнал уже

закрыл. Кирилл взял Артёма под локоть.

— Пойдём.

Артём высвободил руку.

— Куда?

— Поговорим без публики. Или тебе теперь для каждого разговора нужен номер записи?

— Мне нужен запрос на замену.

— Вот его и обсудим.

Они поднялись на девятый этаж. Кирилл не повёл Артёма ни в служебную комнату, ни в свой номер. Он открыл маленькую переговорную возле лифта — стол, четыре стула, стеклянная стена с матовой полосой на уровне глаз. Дверь оставил приоткрытой.

На столе стояла корзинка с заточенными карандашами. Артём машинально выбрал один, затем положил обратно. В этой гостинице любой предмет мог стать причиной объяснительной, если покидал назначенное место.

— Ты спал? — спросил Кирилл.

— Достаточно.

— Ел?

— Да.

— Голова болит?

— Нет.

— Тогда почему ты ведёшь себя так, будто тебе надо спастись?

— Я веду себя так, будто должен понимать, что перевожу.

— Нет. Ты собираешь вокруг себя подтверждения. Время выдачи телефона, пакет, подпись, точное слово. Это не работа переводчика. Это поведение человека, который заранее готовит защиту.

— От чего?

— Скажи мне сам.

Кирилл сел у стеклянной стены и указал на стул напротив. Артём остался стоять.

— Вы знали реплику Келлера, — сказал он.

— Я мог прочесть её в подготовительных материалах.

— Покажите.

— Не обязан.

— Тогда скажите, кто передал её из зала.

— Никто.

— В зале не было связи.

— Тем более.

— Микрофоны работали.

— Для записи заседания службой заказчика, если запись вообще велась. Ты не знаешь.

— А вы знаете?

Кирилл потёр переносицу.

— Вот так ты всегда и делал. Выбирал одну неровность и царапал её, пока не портил весь лист.

— Когда всегда?

— На первой аттестации. Помнишь Хельсинки?

Артём помнил. Международная выставка, стеклянный па-

вильон у воды, первый выезд после двух лет письменных переводов. Он должен был переводить директора станко-строительного завода на переговорах с финским поставщиком. Директор говорил длинно, перескакивал с технических условий на политику и обратно, а потом пошутил, что российский покупатель сперва выкрутит руки, затем пригласит в баню. Артём перевёл руки и баню буквально. Финны замолчали.

Кирилл тогда вмешался без видимого усилия. Превратил угрозу в шутку о жёстком торге и тёплом приёме. После встречи усадил Артёма в пустом выставочном кафе и два часа разбирал каждую ошибку. Не унижал, не повышал голос. Купил ему суп, потому что Артём не ел с утра. На следующий день снова поставил в пару, хотя руководитель просил замену.

Через месяц Артём получил место в постоянной группе. Через год — первый синхрон. Когда умерла сестра и пришлось отменить три командировки подряд, Кирилл договорился, чтобы ему оставили договор и дали удалённые письменные заказы. Он знал номер Вариной школы, потому что однажды сам забирал Артёма из отдела опеки на ночную конференцию.

Долг не был выдуманным. Именно поэтому им можно было пользоваться.

— В Хельсинки я ошибся, — сказал Артём.

— Ты перевёл слова и потерял намерение. Я исправил на-

мерение и сохранил тебе работу.

— Там была шутка.

— Для тебя сейчас всё либо шутка, либо условие договора? Между ними нет человеческой речи?

— Есть. Но сегодня речь внесли в письменное решение.

— И что случилось? Люди уточнили условие. Работа для того и существует.

— В глоссарии заранее стояло другое.

— Рабочая версия.

— С вашей подписью.

— Моя подпись означает, что переводчики используют одинаковые слова. Не то, что я лично гарантирую устройство каждого датчика.

— Одинаково неправильные слова не становятся правильными.

Кирилл откинулся на спинку стула.

— Кто дал тебе первую рекомендацию?

— Вы.

— Кто взял тебя после Хельсинки?

— Вы.

— Кто закрыл три твоих срыва после смерти Лены?

Артём почувствовал, как ноготь большого пальца упирается в бок указательного. Сестру звали Лена. Кирилл произнёс её имя не для памяти, а для веса.

— Вы помогли мне, — сказал он.

— Я не считаю услуги. Но ты сейчас смотришь на меня

как на подозреваемого, потому что я узнал обычную техническую фразу.

— Вы только что перечислили услуги.

— Потому что иначе ты их удобно забываешь.

— Я не забыл.

— Тогда поверь моему профессиональному суждению. Хороший перевод передаёт не каждую оговорку, а намерение сделки. Эти люди десять недель идут к запуску. Они торгуются за страховки, но ни одна сторона не хочет останавливать завод из-за датчика. Фраза «допускаемый без повторного согласования» фиксирует то, к чему они всё равно придут.

— Келлер сегодня сказал обратное.

— Келлер страхует свой участок. Брагин страхует свой. Юристы страхуют свои подписи. Если соединить все их страховки буквально, получится документ, по которому ничего нельзя сделать.

— Может быть, именно такой документ они пока готовы подписать.

— Нет, Артём. Заказчик готов подписать работающую сделку.

— Какой заказчик? Только «Альтаир»?

Кирилл не ответил. Он встал и прикрыл дверь, оставив щель шириной с ладонь.

— Я не учил тебя быть магнитофоном.

— А я не нанимался дописывать чужое согласие.

— Ты нанимался обеспечивать понимание.

— Понимание начинается с того, что человек слышит сказанное ему, а не удобный итог.

— Красиво. Только в реальной комнате половина людей не умеет сказать, чего хочет. Вторая половина говорит так, чтобы потом отказаться. Кто-то должен удерживать общий смысл.

— И этот кто-то — вы?

— В переводческой группе — да. Поэтому у меня должность руководителя, а у тебя лист назначений.

В приоткрытую дверь была видна полоска коридора. Прошла горничная с тележкой, не взглянув внутрь. Артём подумал, что Кирилл выбрал комнату правильно: разговор не был тайным, но свидетелей у него не было.

— Отпустите меня завтра вечером, — сказал Артём. — Я передам материалы замене и вернусь после визита.

— Кому передашь?

— Льву или Майе.

— Лев подал просьбу о снятии с проекта.

— Когда?

— Сегодня утром.

— Я могу поговорить с ним.

— Не можешь. Решение уже принято.

— Он уезжает?

— После оформления.

— Майя тогда.

— У неё своя кабина и свой объём. Замена приедет не

раньше послезавтра.

— Запрос можно было отправить вчера, когда вы прочли письмо.

— Вчера ты ещё не решил уезжать.

— Я сказал утром.

— Ты сказал, что уедешь, если тебя не отпустят. Это не запрос, а угроза нарушить договор.

— Тогда считайте сейчас официальным запросом.

— Официальные запросы подают письменно.

— Дайте бланк.

— Он у координатора на шестом этаже. Твой пропуск туда не действует.

— Передайте сами.

Кирилл посмотрел на часы.

— В двенадцать меня ждёт Брагин. До этого у тебя подготовка к дневной сессии. После неё оформим.

— После неё будет поздно для двенадцатичасовой передачи.

— Не будет. Время считают с регистрации, а не с твоего желания.

— Поэтому вы не регистрируете.

— Поэтому я сначала проверяю, есть ли кем тебя заменить.

Разговор ходил по кругу, но круг сужался. В центре оставалась простая вещь: бланк находился на этаже, куда Артём не мог попасть, а человек с доступом обещал дать его после

того, как срок станет спорным.

Артём взял со стола карандаш.

— Я напишу на обычном листе.

— И снова устроишь запись ради записи?

— Ради выезда.

— Положи карандаш.

Артём не положил. В корзинке лежали квадратные листки с названием гостиницы. Он взял один и написал: «Прошу обеспечить замену и выезд 19 октября не позднее 20:00 в связи с обязательным визитом органа опеки 20 октября в 09:00». Ниже поставил дату и время — 11:18.

Кирилл следил молча.

— Примите, — сказал Артём.

— Это не установленная форма.

— Передайте координатору. Форму заполню, когда дадите доступ.

— Ты понимаешь, как это выглядит?

— Как просьба отпустить меня к ребёнку.

— Как демонстративное недоверие руководителю.

— Доверие не заменяет бланк.

Кирилл взял листок за угол.

— Когда ты пришёл ко мне после Хельсинки, у тебя дрожали руки. Ты сказал, что больше не войдёшь в зал. Помнишь, что я ответил?

— Что одна ошибка не должна получать право на следующую.

— Я сказал: «Не отдавай одной ошибке право решать за тебя». Ты даже сейчас переводишь меня неточно.

Артём помнил именно свою версию — короткую, удобную, многократно повторённую про себя. Возможно, Кирилл действительно сказал иначе. Возможно, за одиннадцать лет наставник поправлял эту фразу столько раз, что первоначальных слов уже не существовало.

— Смысл тот же, — произнёс Артём.

Кирилл усмехнулся без радости.

— Вот видишь. Когда тебе нужно, смысл тот же.

Он сложил записку пополам и убрал в нагрудный карман.

— Я оформлю запрос. А ты до вечера работаешь без самостоятельности. Не обсуждаешь глоссарий с иностранной стороной, не выносишь предположений о микрофонах и не задаёшь службе безопасности вопросов, которые не относятся к твоему допуску.

— Мой выезд не зависит от этого.

— Твой выезд зависит от наличия замены.

— А характеристика?

— От твоей работы.

— То есть зависит.

— Всё от чего-то зависит, Артём. Только дети думают, что поступок можно вынуть из жизни и оценить отдельно.

Он открыл дверь.

— Через сорок минут подготовка. И поешь.

Артём вышел первым. У лифта он остановился.

— В какой переписке была фраза Келлера?

Кирилл нажал кнопку вызова.

— Я найду.

— До встречи с Брагиным?

— Когда будет время.

— Назовите хотя бы месяц.

— Не помню.

— Но помнили, что он говорит это снова.

Двери лифта открылись. Внутри стояла Майя с папкой у груди. Увидев их, она шагнула в сторону.

Кирилл вошёл и нажал шестой этаж.

— Ты услышал то, что хотел услышать, — сказал он.

— Я услышал слово «снова».

— Тогда переведи его правильно. Оно означает, что ситуация повторяется, а не что я подслушал вашу встречу.

Двери закрылись. Артём остался в коридоре с Майей.

— Что случилось? — спросила она.

Он посмотрел на матовое стекло переговорной. На столе остался карандаш, которым он написал запрос. Листок уехал с Кириллом и снова существовал только в чужом кармане.

— Пока не знаю, — ответил Артём. — Но он назвал точную реплику из закрытого зала.

— Может, прочёл материалы.

— Он так и сказал.

— Значит, проверь материалы.

Простой ответ оказался полезнее всех объяснений Кирил-

ла. Не доказывать, что начальник подслушивал. Не превращать одно слово в приговор. Найти текст, на который тот сослался, и увидеть, существует ли он.

— У тебя есть доступ к подготовительной переписке? — спросил Артём.

Майя покачала головой.

— Только к файлам своей кабины.

— У Льва был?

— К техническим приложениям. Его сегодня не видела.

— Кирилл сказал, он подал на снятие с проекта.

— В семь сорок Лев собирался завтракать и ругался, что в каше нет соли. На человека, который решил уехать, не был похож.

— Где он сейчас?

— Его номер кабины пустовал. Я думала, отправили на сверку.

Лифт уже ушёл вниз. На табло сменялись цифры: восемь, семь, шесть. Артём представил записку в кармане Кирилла, серый пакет с глоссарием и четыре листа решений, которые увезла помощница. Каждый документ находился у человека, способного сказать, что именно в нём было. У самого Артёма оставалось только слово «снова».

— Сначала пообедай, — сказала Майя. — У тебя лицо серое.

— Кирилл сказал то же самое.

— Тогда хотя бы один его совет сегодня точный.

В столовой Артём взял суп и сел так, чтобы видеть вход. Лев не пришёл ни в первую смену, ни во вторую. Его место у окна занял молодой техник. Артём дважды начинал есть и ловил себя на том, что считает людей у двери.

В двенадцать двадцать на экране у входа появилось обновление расписания. Напротив фамилии Льва стояло: «выведен из состава по личным обстоятельствам». Напротив Артёма — дополнительная вечерняя сверка до двадцати двух.

Строки о выезде не было.

Он подошёл к координатору столовой.

— Как получить копию расписания?

— Копии не выдаются. Оно доступно на экранах этажа.

— Можете отметить, что в двенадцать двадцать у меня появилась смена до двадцати двух?

— Где отметить?

Артём посмотрел на её журнал, затем на камеру над входом. Ещё одна запись могла подтвердить время, но не приблизить его к Варе. Кирилл был прав в одном: он начал собирать доказательства быстрее, чем принимать решения.

— Нигде, — сказал Артём. — Скажите, кто утверждает изменения?

— Руководитель переводческой группы.

На экране фамилия Кирилла стояла рядом с вечерней сверкой. В двенадцать он должен был быть у Брагина. Значит, встреча уже закончилась или не состоялась. Артём мог искать его, требовать бланк, снова доказывать, что просьба

была подана. Но до дневной подготовки оставалось двадцать три минуты.

Он вернулся за стол и заставил себя доесть суп. Потом повторил про себя точную фразу Келлера и точный вопрос Кирилла, разделяя их, как две версии документа.

Келлер: если прежний элемент недоступен, вы предлагаете равноценный; производство не должно остановиться из-за детали, снятой с продажи.

Кирилл: он снова сказал про снятую с производства деталь?

Между ними не было доказательства прослушивания. Было знание, которому Кирилл предложил источник. Этот источник можно было проверить.

Артём встал из-за стола. Сначала он найдёт подготовительные материалы. Затем Льва. И только после этого решит, что означает слово наставника, который когда-то научил его не отдавать одной ошибке право на следующую.

Глава 5. Номер без гостя

Подготовительные материалы хранились на терминале в комнате переводчиков. Доступ открывался пропуском и коротким кодом, который меняли каждое утро. В тринадцать десять Артём приложил карту к считывателю, ввёл четыре цифры с листа назначений и увидел красную строку: «Пользователь занят в сессии. Архив недоступен».

До начала сессии оставалось двадцать минут. По расписанию подготовка уже считалась рабочей, и система разрешала только папку предстоящей встречи. Артём открыл её. Внутри лежали глоссарий 6.3, схема датчиков и два технических приложения без переписки. Поиск фразы «снята с производства» ничего не нашёл. Немецкое выражение из слов Келлера тоже отсутствовало.

Это не доказывало, что материалов не существовало. Кирилл мог видеть письма руководителя, к которым у обычного переводчика не было доступа. Артём записал номера приложений на рабочем листе и тут же зачеркнул. После вчерашнего замечания любая заметка о закрытом документе могла стать новым пунктом против него.

Дверь открылась. Вошла Майя, приложила пропуск к боковому шкафу и достала наушники.

— Лев не появился? — спросил Артём.

— Нет. Его вещи из кабины убрали.

— Какие вещи?

— Термокружку, запасные очки, таблетки. Всё, что лежало у пульта.

— Кто убрал?

— Когда я пришла, уже не было.

Артём посмотрел на нижнюю полку шкафа. Ячейка Льва стояла открытой и пустой. Вчера там лежал коричневый футляр для очков, стянутый аптечной резинкой. Лев жаловался, что замок заедает, и не запирает дверцу.

— Он бы не оставил таблетки, — сказал Артём.

— Поэтому, наверное, забрал.

— Ты сказала, их убрали.

— Я сказала, что их нет. Не превращай моё слово в показание.

Она произнесла это резко, потом опустила глаза.

— Прости. Просто Кирилл утром спрашивал, о чём мы говорили за ужином.

— Что ты ответила?

— Что Лев жаловался на кашу.

— И всё?

— Этого было достаточно, чтобы он объяснил мне разницу между товариществом и распространением служебных сведений.

На экране всплыло уведомление о начале подготовки. Архив исчез из меню. Майя надела наушники.

— Если Лев снялся сам, вечером он заберёт чемодан и

уедет, — сказала она. — Если не сам, нам всё равно скажут, что сам.

— На каком этаже его номер?

— Девятьсот двадцать шестой. Напротив автомата со льдом.

— Откуда знаешь?

— Он ночью стучал ко мне за пластырем и перепутал номера. Потом показывал дверь, чтобы я вернула ему долг.

— Какой долг?

— Пластырь.

Она улыбнулась, но сразу стала серьёзной.

— Не ходи туда. Номер уже опечатан или заселён другим человеком. В обоих случаях ты будешь выглядеть так, будто ищешь закрытые бумаги.

— Я и ищу закрытые бумаги.

— Тогда хотя бы не говори это вслух.

Дневная сессия прошла без Кирилла. Артём переводил обсуждение графика поставок и ни разу не отступил от глоссария, потому что спорных строк не коснулись. После каждого длинного ответа он чувствовал, как часть внимания остаётся в коридоре девятого этажа, возле номера 926. Приходилось возвращать себя к глаголам, числам, датам.

В шестнадцать ноль пять участники ушли на перерыв. Артём подошёл к стойке размещения. За ней работала та же женщина, которая ночью зарегистрировала белый телефон. На бейдже было написано «Надежда Корнеева».

— Мне нужен Кирилл Савельев, — сказал Артём. — Он оставил сообщение?

— Для вас ничего нет.

— Запрос на выезд тоже не зарегистрирован?

Надежда проверила экран.

— Заявки на замену через размещение не проходят.

— Кто может подтвердить, что руководитель её подал?

— Координатор проекта.

— На шестом этаже?

— Да.

— Мой пропуск туда не действует.

— Обратитесь к руководителю группы.

Круг снова замкнулся, но Артём пришёл не только за этим.

— Переводчик Лев Горин выехал?

Надежда перестала смотреть в экран.

— Почему вы спрашиваете?

— Его сняли с проекта. У него остались мои материалы.

Это была ложь, маленькая и плохо подготовленная. У Льва не было материалов Артёма. Надежда заметила паузу перед последним словом.

— Какие именно?

— Рабочие заметки.

— Рабочие документы не должны храниться в гостевых номерах.

— Поэтому я хочу их вернуть.

— Назовите документ, я передам службе безопасности.

Если он назовёт несуществующий лист, запрос зафиксируют. Если откажется, вопрос о Льве уже останется в памяти Надежды.

— Не материалы, — сказал Артём. — Я оговорился. У него мой футляр для очков.

Теперь ложь стала бытовой, но не более правдоподобной.

— Как выглядит?

Артём вспомнил коричневый футляр Льва.

— Коричневый, с резинкой.

— Ваше имя было внутри?

— Нет.

— Тогда как служба отличит его от вещей гостя?

— Лев знает, что он мой.

Надежда несколько секунд смотрела на него. Затем открыла другую страницу на экране.

— Гость Горин оформил досрочный выезд сегодня в одиннадцать сорок.

В это время Артём разговаривал с Кириллом в комнате у лифта. Лев мог находиться у стойки двумя этажами ниже.

— Он сам сдал ключ?

— Информацию о действиях другого гостя я не сообщаю.

— Но вы только что сообщили время выезда.

— Сообщила, чтобы вы не искали человека в закрытом номере. Футляр среди забытых вещей не зарегистрирован.

— Значит, номер уже проверили?

— После каждого выезда номер проверяют.

— Остальные вещи были?

— Забытых вещей нет.

Ответ пришёл слишком быстро. Надежда будто читала готовую строку.

— У него был чемодан, костюм и лекарства, — сказал Артём.

— Тогда он их забрал.

— Вы видели?

— Господин Сазонов, что именно вы хотите узнать?

— Уехал ли мой коллега по своей воле.

Она закрыла страницу.

— Это не вопрос к службе размещения.

— А к кому?

— К вашему руководителю.

За Артёмом образовалась очередь из двух участников переговоров. Один держал карточку номера, другой — пакет из химчистки. Надежда повернулась к ним с той безличной вежливостью, которая завершала разговор надёжнее закрытой двери.

Артём отошёл к окну. Во дворе гостиницы стоял чёрный микроавтобус. Водитель курил у капота. Если Лев выехал в одиннадцать сорок, его могли отвезти на вокзал, в аэропорт или просто к проходной. Ничего угрожающего в досрочном выезде не было. Люди ежедневно покидали гостиницы, забирая чемоданы и лекарства.

Но Лев оставил объяснение об отклонении от глоссария. Хотел уйти, затем утром ел кашу и жаловался на соль. Кирилл сообщил о просьбе на снятие раньше, чем расписание изменилось. Всё это могло быть обычной последовательностью: Лев решился, оформил выезд, забрал вещи. Артём искал разрыв потому, что уже не доверял Кириллу.

Он вернулся к залу. На стойке безопасности его ждал конвент.

— От руководителя группы, — сказал сотрудник.

Внутри лежал бланк запроса на временный выезд. Поля были заполнены рукой Кирилла. Причина: «личные обстоятельства». Предлагаемое время: 20 октября, 06:30. Это оставляло два с половиной часа до визита, если дорога займёт обычные семьдесят минут. Но внизу стояло: «Возврат на объект в день выезда до 13:00». Визит мог продолжаться дольше. Рядом имелась строка: «При опоздании допуск аннулируется».

Подписи координатора не было.

Артём перевернул лист. На обороте Кирилл написал: «Подпиши до 17:00. Иначе замена не запускается».

— Когда принесли? — спросил Артём.

— В шестнадцать десять.

— Кто?

— Курьер этажа.

— Можно исправить время возврата?

— Через руководителя.

До пяти оставалось сорок минут. Дневная сессия возобновлялась через десять. Артём мог подписать неудобное условие и получить шанс приехать. Мог искать Кирилла и рисковать всем запросом. Варя просила не называть возвращение жертвой. Она не просила выбирать безупречный документ.

Он зачеркнул «13:00», написал рядом «после завершения обязательного визита, ориентировочно до 16:00», поставил инициалы и время. Затем подписал бланк.

— Зарегистрируйте с исправлением, — сказал он.

Сотрудник прочёл строку.

— Исправления должен согласовать руководитель.

— Передайте ему.

— Тогда запрос считается неподписанным до согласования.

— Я его подписал.

— Вы изменили условие.

— Потому что не могу обещать уйти от инспектора в определённую минуту.

— Я не оцениваю причину. Говорю, как проводится заявка.

Артём попросил копию. Сотрудник отнёс лист к сканеру за стойкой и вернул вместе с тонкой серой копией. Впервые у Артёма остался документ, существование которого не зависело от чужого кармана.

Он сложил лист вчетверо и убрал во внутренний карман

пиджака.

В семнадцать пять сессия закончилась. Кирилл ждал у выхода.

— Ты исправил время.

— Визит не ограничен полчаса.

— Я нашёл машину на шесть тридцать и окно для обратного допуска до часа. После часа меняется состав охраны, новые пропуска в этот день не открывают.

— Тогда вернись на следующий день.

— Это уже не временный выезд, а снятие с проекта.

— Если другого способа нет.

— Есть. Приедешь к девяти, покажешься инспектору, объяснишь, что работа, и в десять выйдешь.

— Я не буду диктовать инспектору длительность проверки.

— Ты умеешь объяснить важность работы взрослому человеку.

— Как вы объясняете намерение сделки вместо сказанных условий?

Кирилл медленно выдохнул.

— Не смешивай.

— Это вы предлагаете одно и то же: заранее решить, что другой человек должен понять.

— Я предлагаю сохранить и работу, и опеку.

— Тогда согласуйте возвращение до шестнадцати.

— Координатор не согласует.

— Вы уже спрашивали?

— Я знаю порядок.

— Покажите отказ.

— Какой отказ, если ты изменил заявку пять минут назад?

Артём достал серую копию.

— Пятнадцать.

Кирилл посмотрел на неё и усмехнулся.

— Конечно, ты сделал копию.

— Да.

— Носи ближе к сердцу.

— Где подготовительная переписка с фразой Келлера?

— Я занят твоей заменой.

— Вы сказали, что найдёте.

— И найду, когда закончу с действительно важным.

— Лев уехал в одиннадцать сорок. Он может быть заменой?

Лицо Кирилла не изменилось, но взгляд задержался на копии в руке Артёма.

— Нет.

— Почему?

— Потому что выведен из проекта.

— За что?

— По личным обстоятельствам.

— Его вещи забрали из кабины до того, как он уехал.

— Значит, он собирался уехать.

— Майя видела его утром. Он никому не сказал.

— Лев обязан докладывать Майе о личной жизни?

— Мне тоже не сказал.

— А тебе обязан?

Кирилл шагнул ближе.

— Перестань расспрашивать размещение о другом сотруднике. Это уже жалоба.

— Чья?

— Начальника службы. Ты солгал про какие-то материалы, потом про футляр. В закрытом проекте ложь о потерянных документах — не игра.

Артём понял, что Надежда передала разговор быстрее, чем он дошёл от стойки до зала.

— Я не говорил, что документы потеряны.

— Ты сказал, что они у Льва.

— Потом исправился.

— На футляр, которого тоже нет.

— Я хотел узнать, выехал ли он.

— И ради этого придумал служебные материалы. Ты слышишь себя?

Стыд пришёл прежде оправдания. Артём действительно солгал человеку, который просто выполнял работу. Если бы этот разговор пересказали инспектору, он выглядел бы не настойчивым, а человеком, который считает правила допустимыми только пока они помогают ему.

— Слышу, — сказал он.

— Тогда остановись.

— Я хочу поговорить с Львом.

— После проекта.

— Дайте его внешний номер.

— У тебя есть свой телефон.

— В сейфе.

— Завтра будет окно связи.

— Его номер записан в рабочем телефоне.

— Значит, после проекта.

Кирилл протянул руку к копии заявки.

— Дай посмотреть исправление.

Артём не отдал.

— Там одна строка.

— Я должен согласовать её с координатором.

— Оригинал у службы.

— Тогда зачем носишь копию?

— Чтобы она была.

— Именно об этом я говорю. Ты уже не решаешь задачи.

Ты накапливаешь бумажки, чтобы потом объяснить своё поведение.

— Моя задача завтра — уехать.

— Твоя задача сейчас — вечерняя сверка. В двадцать ноль-ноль.

— Где?

— В редакционной. И не опаздывай.

Кирилл ушёл. Артём остался возле двери зала. Сотрудник безопасности делал вид, что не слышал их спор, но его ручка

застыла над журналом.

До вечерней сверки оставалось почти три часа. Артём поднялся на девятый этаж. Он не собирался входить в номер Льва. Хотел лишь увидеть, снята ли табличка «Не беспокоить», стоит ли у двери багаж, висит ли пломба.

Коридор был пуст. У автомата со льдом гудел холодильный блок. Дверь 926 ничем не отличалась от остальных. Таблички не было. Электронный замок мигал зелёной точкой раз в несколько секунд — так же, как на двери Артёма.

Он прошёл мимо, дошёл до конца коридора и повернул обратно. Под дверью 926 виднелся белый уголок бумаги. Возможно, счёт, реклама прачечной или лист, подсунутый уже после выезда.

Артём присел и коснулся края пальцем. Бумага не двигалась: её прижимало что-то с внутренней стороны. Значит, лист лежал в номере и лишь выступал под дверью.

За спиной звякнул лифт. Артём выпрямился.

Из лифта вышла горничная с тележкой. Увидев его у двери, она остановилась.

— Вам помочь?

— Коллега оставил мне футляр.

Ложь прозвучала второй раз и стала хуже.

— Номер свободен, — сказала горничная.

— Он выехал сегодня.

— Этот номер не заселён.

— Уже не заселён?

— Вообще не заселён.

Она сверилась с листом на тележке.

— Девятьсот двадцать шестой стоит в резерве службы проекта.

— Там жил Лев Горин.

— Гости проекта числятся не по фамилиям. Но уборки здесь не было.

— Сегодня?

— С начала смены. Номер закрыт службой безопасности.

— На двери нет пломбы.

— Электронная блокировка. Мне карта не откроет.

Артём посмотрел на белый уголок.

— Внутри бумага у порога.

Горничная тоже присела, но не тронула лист.

— Может, под дверью застряло.

— Снаружи край чистый, остальное внутри.

— Тогда сообщу старшей.

Она достала служебный телефон и набрала короткий номер.

— Здесь гость, девятьсот двадцать шестой. Говорит, внутри вещи коллеги... Нет, не открывала. Да.

Артём не говорил про вещи, только про бумагу. Но спорить теперь было поздно.

— Попросят подождать службу безопасности, — сказала она.

— Я не просил открывать номер.

— Но вы ждёте вещь.

— Футляр.

— Вот и проверят.

Уйти означало подтвердить подозрительность. Остаться — отдать инициативу людям, которым уже передали его ложь у стойки. Артём прислонился к стене. Горничная занялась полотенцами, но тележку поставила поперёк коридора, будто случайно перекрыв путь к лифту.

Через четыре минуты пришли двое: начальник смены безопасности Виктор Колосов и Надежда из размещения. В руках у Колосова был планшет, у Надежды — прозрачный пакет.

— Господин Сазонов, — сказал Колосов. — Вы сообщили о личной вещи в служебном номере.

— Я хотел узнать, оставил ли коллега футляр.

— Ранее вы называли рабочие материалы.

— Я солгал. Материалов у него не было.

Надежда подняла взгляд. Прямое признание удивило её больше, чем прежние выдумки.

— Причина ложного сообщения? — спросил Колосов.

— Хотел узнать, действительно ли Лев Горин выехал. Мне не отвечали.

— Сведения о перемещениях сотрудников не относятся к вашему допуску.

— Понимаю.

— Футляр существует?

— Существует, но принадлежит Льву.

— То есть личной вещи в номере у вас нет.

— Нет.

Колосов сделал запись.

— Тогда оснований открывать номер по вашему запросу нет.

— Я не прошу открывать. Под дверью лежит лист. Горничная сообщила старшей.

— Номер служебный. Всё содержимое относится к проекту.

Он подошёл к замку и приложил мастер-карту. Индикатор мигнул красным.

— Центральная блокировка, — сказал Колосов.

Надежда нахмурилась.

— В системе номер отмечен освобождённым в одиннадцать сорок.

— Освобождённым гостем, не службой.

— Отметки о блокировке у меня нет.

Колосов провёл пальцем по экрану планшета.

— Поставлена в одиннадцать тридцать семь.

Тремя минутами раньше официального выезда.

— Кем? — спросил Артём.

Колосов даже не посмотрел на него.

— Не относится к вашему допуску.

— Если номер заблокировали до выезда, как гость вошёл и забрал вещи?

— Возможно, вещи вынесли заранее.

— Кто?

— Господин Сазонов, вы уже признали, что получили доступ к сведениям обманом. Советую не усугублять.

Надежда продолжала смотреть в свой экран.

— Забытых вещей не зарегистрировано, — сказала она тише.

— Потому что уборки не было, — ответила горничная.

На несколько секунд служебные версии столкнулись прямо в коридоре. Надежда считала номер проверенным после выезда. Горничная знала, что туда не входили. Безопасность заблокировала дверь ещё до оформления выезда.

Колосов убрал планшет.

— Вскрытие только комиссией. Надежда, оформите двух сотрудников размещения. Светлана, оставайтесь свидетелем.

— А я? — спросил Артём.

— Вы не входите.

— Я сообщил о листе.

— И сделали это после двух ложных заявлений. Ждите у лифта.

Артём отошёл на десять шагов. Отсюда дверь была видна, но заглянуть внутрь он не мог. Пришёл второй сотрудник размещения. Все расписались в планшете. Колосов позвонил кому-то, продиктовал номер и получил удалённое разрешение. Замок мигнул зелёным.

Когда дверь открыли, горничная первой сказала:
— Тут вещи.

Колосов вошёл и загородил проём. Надежда осталась на пороге.

— Чемодана нет, — произнесла она. — Костюм в шкафу. Обувь. Пакет из аптеки.

— Ничего не трогать, — сказал Колосов.

Горничная подняла белый лист у двери.

— Это распечатка.

— Положите.

— Я уже подняла.

— Тогда в пакет.

Артём видел только оборот листа и несколько тёмных полос, проступавших сквозь бумагу. Горничная повернула его, чтобы вложить в прозрачный пакет. На лицевой стороне были две колонки текста. Несколько строк обведены карандашом, рядом стояли номера: 4, 11, 17. Артём не успел прочесть слова, но узнал разметку двуязычного протокола.

Колосов выхватил лист из её руки.

— Закрытый документ. Все остаются на месте.

— Я ничего не читала, — сказала горничная.

— Это установит проверка.

Надежда побледнела.

— В системе было «вещей нет».

— Кто внёс?

— Автоматическая отметка после закрытия проживания.

— Автоматическая отметка не осматривает шкаф.

— Она означает, что номер принят службой.

— Какой службой?

Надежда не ответила. Колосов заклеил пакет и впервые посмотрел на Артёма.

— Откуда вы знали о документе?

— Не знал. Увидел край под дверью.

— Почему пришли именно к этому номеру?

— Майя сказала, что здесь жил Лев.

— Фамилия?

— Её не обязательно втягивать. Номер называл сам Лев вчера.

Это была новая ложь. Артём почувствовал её сразу, как чувствуют неверное слово уже после произнесения. Он хотел защитить Майю и тем самым опять дал Колосову основание не верить остальному.

— Вы только что признались, что уже лгали ради доступа к сведениям, — сказал тот. — Сейчас утверждаете, что случайно нашли закрытый документ в номере вышедшего сотрудника.

— Да.

— И предлагаете поверить?

— Не нужно верить. Камера покажет, как я подошёл к двери, горничная — что открывали при комиссии. Я в номер не входил и лист не трогал.

Колосов посмотрел на чёрный купол камеры в конце ко-

ридора.

— Запись проверим.

— Заодно проверьте, кто заблокировал номер в одиннадцать тридцать семь.

— Не указывайте службе, что проверять.

— И кто вынес чемодан, оставив костюм и лекарства.

— Откуда знаете, что чемодан был?

— Видел вчера утром в его номере.

Это тоже было неправдой. Чемодан он видел в день заселения у лифта, рядом со Львом. Артём попытался исправиться:

— Не в номере. У лифта, когда мы приехали.

Колосов записал обе версии.

— Пройдёте со мной для объяснения.

— У меня сверка в двадцать.

— Руководителя уведомим.

Надежда осталась у открытой двери, перечисляя содержимое: тёмный костюм, две рубашки, туфли, ремень, пакет с лекарствами, зарядное устройство, гостиничная папка. Ванная — сухая, зубной щётки нет. Чемодана и верхней одежды нет. Картина не была однозначной. Лев мог сложить самое нужное в чемодан, оставить одежду, которая ему не нравилась, забыть лекарства. Но распечатка с обведёнными пунктами лежала не в мусоре, а у двери, словно её пытались вытолкнуть наружу или просунули обратно.

В комнате безопасности Артёму дали бланк объяснения.

Он написал правду с первого разговора у стойки: солгал про материалы и футляр, чтобы узнать время выезда; поднялся к номеру; увидел край листа; дождался сотрудников; внутрь не входил. Про Майю написал только, что номер узнал в частном разговоре с коллегами, не называя имени.

Колосов прочёл.

— Кто сообщил номер?

— Не имеет отношения к документу.

— Это решим мы.

— Тогда зафиксируйте отказ назвать коллегу.

— Уже.

В двадцать без пяти дверь открылась. Вошёл Кирилл.

Он положил на стол копию исправленной заявки Артёма и пакет с распечаткой из номера. Сел рядом с Колосовым, не спрашивая разрешения.

— Вечерняя сверка сорвана, — сказал он.

— Она ещё не началась.

— Ты не успеешь пройти допуск.

— Меня задержала служба.

— После того как ты обманом выяснял номер сотрудника и искал у него документы.

— Документ нашла горничная.

— Потому что ты привёл её к двери.

Колосов подвинул объяснение Кириллу. Тот прочёл быстро, задержавшись на отказе назвать Майю.

— Лев оставил костюм и лекарства, — сказал Артём. —

Размещение утверждало, что вещей нет.

— Лев мог забыть вещи.

— И двуязычный протокол с отмеченными пунктами?

— Он не имел права держать его в номере.

— Какие пункты отмечены?

— Я ещё не смотрел.

Кирилл держал пакет левой рукой. Лист лежал текстом вниз. Он действительно мог не видеть номеров.

— Тогда посмотрите при мне, — сказал Артём.

— У тебя нет допуска к материалам внутренней проверки.

— У меня был допуск к протоколу, пока его не убрали из общей папки.

— Ты даже не знаешь, тот ли это документ.

— Две колонки и номера пунктов.

— Этого достаточно, чтобы обвинить меня?

— Я вас сейчас ни в чём не обвинял.

Кирилл посмотрел на Колосова.

— Вот так он работает второй день. Строит фразы, в которых формально нет обвинения, но каждый должен оправдываться.

— Я спрашиваю, почему Лев уехал без вещей.

— Потому что хотел уехать как можно быстрее.

— Вы с ним говорили?

— Говорил.

— Когда?

— Утром.

— Он сам попросил снять его?

Кирилл провёл пальцем по краю пакета.

— Да.

— Какими словами?

— Это допрос?

— Нет. Хочу понять, сможет ли он вернуться вместо меня завтра.

— Не сможет.

— Потому что отказался или потому что вы не допустите?

— Потому что его больше нет на объекте.

Колосов вмешался:

— Вопрос замены не относится к проверке номера.

— Относится к моему выезду, — сказал Артём.

Кирилл положил рядом заявку.

— Координатор отклонил исправление. Возврат только до тринадцати. Подпишешь исходное условие до двадцати одного — машина останется. Нет — заявку закроют.

На часах было двадцать ноль две. Артёму предлагали решать здесь, рядом с пакетом Льва и объяснением о собственной лжи.

— Дайте отказ координатора.

— Устный.

— Тогда я хочу поговорить с ним.

— После проверки твоего допуска он с тобой разговаривать не будет.

— Проверка уже решила, что я нарушил?

Колосов ответил раньше Кирилл:

— Установлено ложное сообщение службе размещения и попытка получить закрытые сведения. Входа в номер не было. По документу проверка продолжается.

— Мой пропуск действует?

— До решения руководителя проекта.

То есть решение снова принималось там, куда Артём не мог войти.

Он взял заявку. Исправление было обведено красным, рядом Кирилл написал: «Не согласовано». Под этим оставалась прежняя строка о возвращении до тринадцати.

Если не подписать, он мог не попасть на визит вообще. Если подписать, придётся либо оборвать разговор с инспектором, либо нарушить условие и потерять допуск. Но допуск уже висел на решении людей, которым нужна была его бесспорная лояльность.

Артём зачеркнул своё исправление одной линией, поставил инициалы и подписал исходное время.

— Я еду, — сказал он. — Если визит закончится позже, позвоню с дороги и сообщу.

Кирилл забрал бланк.

— Разумно.

— Нет. Просто другого выхода вы не оставили.

— Выходов было много до того, как ты начал ходить по чужим номерам.

— Я не входил.

— Объяснишь это тем, кто будет читать акт.

Кирилл встал, взял пакет с распечаткой и направился к двери.

— Куда вы несёте документ? — спросил Артём.

— На проверку.

— Зарегистрируйте номера отмеченных пунктов до передачи.

Колосов нахмурился.

— Они зарегистрированы на фотографии пакета.

— Назовите их.

— Не относится к вашему допуску.

Артём видел номера своими глазами: 4, 11, 17. Он мог ошибиться в последнем, потому что лист повернули быстро. Записывать их сейчас означало создать ещё одну бумагу с содержанием закрытого документа. Не записывать — оставить только в памяти.

— Хорошо, — сказал он. — Я запомнил.

Кирилл задержался у двери.

— Именно это и пугает заказчика, Артём. Ты всё время даёшь понять, что унесёшь с собой больше, чем тебе разрешили.

— Переводчик всегда уносит услышанное в памяти.

— Профессиональный умеет не пользоваться этим против людей.

— А люди могут пользоваться тем, что он не докажет услышанное?

Кирилл не ответил и вышел.

Колосов выдал Артёму копию объяснения. Внизу стояла отметка: «Доступ временно сохранён под наблюдением руководителя группы». На выходе Артём приложил пропуск к считывателю. Дверь открылась.

В коридоре уже выключили половину света. За стеклом комнаты переводчиков Майя сидела одна и сверяла листы. Увидев Артёма, она поднялась, но он покачал головой. Сейчас любое слово связало бы её с номером 926.

Он поднялся к себе. На двери номера лежал новый конверт. Внутри была памятка о выезде: машина в 06:30, возврат до 13:00, личный телефон выдадут на проходной, повторный досмотр обязателен. Ни слова о том, что будет, если инспектор задержит его.

Артём спрятал копию объяснения и заявку в гостиничную папку. Потом достал чистый лист, написал три числа — 4, 11, 17 — и долго смотрел на них. Он не знал, что стояло в этих пунктах. Только Лев отметил их до отъезда, а Кирилл забрал распечатку прежде, чем содержание зарегистрировали при Артёме.

За стеной включили воду. По коридору прокатилась тележка. Гостиница продолжала работать так, будто каждый номер был обычным временным жильём.

Артём сложил лист и положил рядом с памяткой о выезде. Завтра он увидит Варю и инспектора. Сегодня ему предстояло решить, где хранить три числа, чтобы они не стали ни

украденным документом, ни исчезнувшей памятью.

Глава 6. Личный снимок

В пять сорок восемь Артёма разбудил не будильник, а стук.

Он сел на кровати и несколько секунд не понимал, почему в номере горит настольная лампа. Вечером он оставил её включённой, пока переписывал на чистый лист три числа из распечатки Льва. Лист лежал под прозрачной крышкой гостиничной папки. Рядом — памятка о машине в шесть тридцать.

Стук повторился: три удара, пауза, ещё два.

— Служба безопасности. Господин Сазонов, откройте.

За дверью стоял Колосов и незнакомая женщина в сером жакете. На шее у неё висела карточка без имени, только с полосой гостевого допуска. Колосов был в той же рубашке, что вечером, но теперь без пиджака. В руках он держал тонкий ноутбук и прозрачный пакет с двумя бумажными бланками.

— Сборы отложите, — сказал он. — Нужно дополнительное объяснение.

— У меня машина через сорок минут.

— Машину предупредили.

— О чём?

— Что вы задержитесь.

Артём взял со стола памятку.

— Мне нужно быть дома к девяти. Визит инспектора

нельзя перенести.

Женщина посмотрела на Колосова, словно впервые слышала про инспектора.

— Беседа займёт пятнадцать минут, если вы будете отвечать по существу, — сказал он.

— Это вы вчера говорили про объяснение у номера?

— Вчера вы сами увеличили время беседы ложными сведениями.

Артём не стал спорить. Он надел брюки и рубашку, умылся холодной водой, не закрывая дверь ванной. Колосов остался в коридоре. Женщина стояла рядом с ним и смотрела не в номер, а на часы.

Когда Артём вышел, Колосов указал на гостиничную папку.

— Что под крышкой?

— Мои записи.

— Покажите.

Артём достал лист с числами 4, 11, 17.

— Номера пунктов, которые я увидел на распечатке.

— Вы вчера утверждали, что документ не читали.

— Не читал текст. Номера увидел, когда горничная перевернула лист.

— Почему записали?

— Чтобы не забыть.

— Для чего вам помнить номера закрытого документа после выезда?

Ответ был очевиден ему и подозрителен любому другому.

— Чтобы проверить, относятся ли они к тем же расхождениям, которые я уже заметил.

Колосов протянул пакет.

— Положите лист сюда.

— На каком основании?

— Вы вынесли сведения из закрытого документа на неучтённый носитель.

— Это чистый лист из номера. Я никуда его не вынес.

— Собирались вынести.

— Не собирался. Я могу переписать номера в рабочий блокнот и оставить лист.

— Рабочий блокнот тоже сдадите на проверку.

Артём посмотрел на памятку. До отправления оставалось тридцать две минуты. Спор о трёх числах мог занять их все. Он положил лист в пакет. Колосов заклеил край наклейкой, написал время и попросил расписаться поперёк шва.

— Теперь идёмте.

— Куда?

— Не в комнату безопасности. Здесь есть сотрудник отдела защиты сведений. Ей нужен доступ к сети.

Женщина наконец представилась:

— Анна Руденко, внутренний контроль «Альтаира».

Она не протянула руки.

На третьем этаже их провели в маленькую переговорную без окон. На столе стоял сетевой телефон, две бутылки во-

ды и док-станция. Руденко открыла ноутбук. На экране уже была папка с датами и длинными буквенно-цифровыми названиями.

— Господин Сазонов, — начала она, — вам знаком адрес `art.sazonov.work` на облачном сервисе «Круг»?

— Это моя рабочая учётная запись.

— Личная или корпоративная?

— Личная. Я использую её для заказов, где заказчик решает облако.

— Для материалов «Альтаира» разрешение было?

— Нет.

Она повернула ноутбук. На экране была фотография листа, снятого сверху. Виднелся край деревянного стола, детская кружка с лисой и раскрытая тетрадь по геометрии. В центре лежала таблица с немецкими и русскими терминами. В правом нижнем углу стояло: «Внутреннее использование. Версия 5.8».

Артём узнал снимок сразу.

Он помнил не только вечер, но и положение кружки. Варя лежала с температурой в комнате, жаловалась, что вода горчит. Он грел ей морс, отвечал на сообщения Кирилла и правил срочный перевод спецификации. Глоссарий выдали на бумаге и потребовали вернуть утром. Перепечатывать нужные строки было некогда. Артём положил лист рядом с тетрадью, сфотографировал, закончил работу после полуночи, а утром удалил фотографию с телефона.

Он не проверил папку автоматической загрузки.

— Знакомо? — спросила Руденко.

— Да.

Колосов перестал листать свой планшет.

— Это ваш снимок?

— Мой.

— Когда сделан?

В свойствах файла дата наверняка уже была.

— Двадцать второго августа, вечером. Точное время не помню.

— Двадцать один четырнадцать, — сказала Руденко. — С какого устройства?

— С личного телефона.

— Где находился оригинал документа?

— У меня дома. Мне выдали бумажный глоссарий на день для перевода спецификации.

— Кто разрешил вынести его?

— Кирилл Савельев. В журнале выдачи должна быть запись.

— Я спрашиваю про фотографирование.

— Никто не разрешал.

Руденко не улыбнулась и не сделала паузу, чтобы признание прозвучало тяжелее. Она открыла следующий файл — увеличенный фрагмент снимка. Термины читались полностью.

— Почему сфотографировали?

— Нужно было закончить перевод ночью. Племянница заболела, я не мог работать в офисе и не хотел постоянно носить лист между комнатами.

— Поэтому создали копию на личном устройстве.

— Да.

— Почему не сообщили руководителю, что не можете выполнить работу в установленных условиях?

— Сообщил, что останусь дома. Кирилл сказал закончить к утру.

— Он приказал сделать фотографию?

— Нет.

— Предложил?

— Нет.

— Знал о ней?

— Я не говорил.

Колосов поставил на стол прозрачный пакет с числами.

— Вчера вы были чрезвычайно внимательны к порядку регистрации чужой распечатки. Почему собственную копию не зарегистрировали?

— Потому что нарушил правило и надеялся, что удалил её.

— То есть скрыли.

— Да.

Слово оказалось проще длинного оправдания. Артём ожидал облегчения, но почувствовал только сухость во рту.

Руденко открыла список файлов. Под фотографией стоя-

ла отметка о синхронизации через семь минут после съёмки, затем — об удалении с телефона утром. Облачная копия не исчезла: сервис хранил удалённые файлы девяносто дней.

— Как вы получили доступ к моей учётной записи? — спросил Артём.

— Не получили, — ответила Руденко. — Три недели назад вы подключили папку «Работа» к корпоративному кабинету обмена файлами. При подключении подтвердили проверку синхронизируемых материалов на закрытые обозначения. Вчера система обнаружила маркировку «Альтаира» в сохранённой копии и создала уведомление. Мы видим только совпавший файл и технические сведения о нём.

— Почему уведомление появилось вчера, если папку я подключил три недели назад?

— Вчера обновили образцы документов для поиска. Версия 5.8 раньше в набор не входила.

Объяснение было будничным и потому убедительным. Не Кирилл взломал телефон, не служба извлекла его память из сейфа. Артём сам связал личную папку с кабинетом, чтобы получать большие файлы от заказчика, и не прочёл до конца разрешения. Потом новая контрольная копия совпала со старым снимком.

— В облаке есть другие страницы? — спросила Руденко.

— Не помню. Думаю, нет.

— Нам нужен точный ответ.

— Я фотографировал только эту. Но мог сохранить рабо-

чие письма или черновики, если они пришли через обычную почту. Я не буду угадывать.

— Предоставите перечень файлов папки без их содержания?

— После того как увижу, что именно будет доступно и кому.

Колосов поднял глаза.

— У вас странная осторожность для человека, который уже загрузил закрытый документ.

— Именно поэтому теперь хочу понимать, что подписываю.

Руденко придвинула первый бланк.

— Согласие на просмотр перечня названий, дат, размеров и контрольных сумм в подключённой папке. Содержание открывается только при новом совпадении и оформляется отдельным актом. Можете прочитать.

Артём прочитал каждую строку. Внизу мелким шрифтом говорилось, что согласие действует до завершения проверки, но не дольше тридцати дней. Он зачеркнул «тридцати», написал «семи», поставил рядом инициалы.

— Исправление должен принять руководитель проверки,
— сказала Руденко.

— Тогда передайте ему. Без срока в семь дней я не подпишу.

Она сфотографировала исправление служебным планшетом и вышла. Колосов остался у двери. На столе продолжала

светиться фотография домашнего вечера: секретная таблица, кружка Вари, её тетрадь. В одном кадре Артём соединил то, что всеми силами старался разделять, — работу и дом. Теперь любой проверяющий увидел бы не только документ, но и доказательство, что закрытый лист лежал рядом с ребёнком.

— Лицо несовершеннолетней на снимках есть? — спросил Колосов.

— Нет.

— Другие члены семьи имели доступ к устройству?

— Телефон был заблокирован. Варя знает код только от домашнего планшета, не от телефона.

— К бумажному листу?

Артём вспомнил, как выходил на кухню за морсом. Лист оставался на столе.

— Физически могла подойти. Не знаю, подходила ли. Она была больна и лежала в комнате.

— Значит, закрытый материал находился в доступе несовершеннолетней.

— На несколько минут в квартире, где кроме нас никого не было.

— Режим не измеряется минутами.

— Я знаю.

Колосов записал ответ. Артём посмотрел на часы: шесть двадцать четыре.

— Машина ждёт?

— Пока да.

— Позвоните водителю, пусть подъезжает. Я признал снимок и согласился на проверку перечня.

— Решение принимаю не я.

— Кто?

Дверь открылась. Вернулась Руденко, за ней вошёл Кирилл. Он был одет для утренней сессии, на лацкане уже висел белый пропуск. Будто не вставал в пять утра ради чужой облачной папки, а просто проходил мимо.

— Исправление срока приняли, — сказала Руденко. — Семь календарных дней. Подпишите.

Артём расписался. Она забрала бланк и ноутбук.

— Предварительно: подтверждена одна неучтённая копия документа 5.8 на личном облачном хранилище. Признаков внешней передачи сейчас нет. Перечень проверим отдельно. До решения заказчика доступ господина Сазонова к закрытым материалам может быть ограничен.

— «Может быть» или ограничен? — спросил Артём.

— Решит владелец сведений.

Руденко ушла вместе с Колосовым. Кирилл закрыл дверь и сел напротив.

— Вот чего я боялся, — сказал он.

— Вы знали о снимке?

— До ночи — нет.

— Когда узнали?

— Когда меня вызвали как твоего руководителя.

— До того, как забрали распечатку из номера Льва, или после?

— Опять соединяешь события, потому что они случились в один вечер.

— Я спрашиваю время.

Кирилл посмотрел на часы.

— Уведомление пришло в двадцать три сорок. Меня разбудили в ноль двадцать. Распечатку я получил около восьми вечера. Доволен?

— Нет. Но время понял.

— Ты хоть понимаешь, что сделал? На снимке рабочая таблица рядом с детской тетрадью. Если это попадёт в материалы опеки, никакая моя характеристика уже не поможет.

— Почему это должно попасть в опеку?

— Потому что проверка установит, что ребёнок мог видеть закрытые материалы. Заказчик подаст претензию работодателю, работодатель — служебный акт. Инспектор запросит сведения о твоём доходе и дисциплинарных взысканиях. Всё связывается без заговора.

Артём заметил знакомый приём: Кирилл не угрожал передать снимок сам. Он описывал цепочку так, словно каждое следующее звено уже обязано сработать.

— Признаков передачи нет, — сказал Артём.

— Пока нет. А если в папке найдут ещё что-нибудь?

— Проверят.

— И в телефоне?

— Телефон они не просили.

— Попросят.

— Тогда будет отдельный акт.

Кирилл усмехнулся без веселья.

— Вчера ты требовал регистрировать каждое действие с листом Льва. Сегодня выясняется, что сам унёс целую страницу домой.

— Месяц назад. Я не говорю, что поступил правильно.

— Ты говоришь так, будто дата уменьшает нарушение.

— Дата показывает, что снимок не связан с тем, что произошло здесь.

— Если версия 5.8 содержит те же термины, что нынешняя, ещё как связан. Тебе достаточно старого листа, чтобы подготовить обвинения заранее.

— Я не готовил обвинения. И версия 5.8 должна отличаться от 6.3. Для этого версии и нумеруют.

— Ты уже строишь защиту.

— Потому что вы уже строите обвинение.

Кирилл взял бутылку воды, но не открыл.

— Я могу остановить это на уровне дисциплинарного замечания.

Фраза прозвучала спокойно. Артём посмотрел на сетевой телефон: лампочка не горела. Потом на дверь. В ней не было стекла.

— Каким образом?

— Подтвердить, что документ выдали тебе для срочной

работы, внешней передачи не произошло, ущерба нет. Попросить владельца сведений не подавать официальную претензию. Провести внутренний инструктаж и закрыть вопрос.

— В обмен на что?

— Не превращай всё в обмен.

— Вы пришли сюда после проверки в шесть утра и сказали, что можете её остановить. Значит, есть условие.

Кирилл покрутил закрытую бутылку между ладонями.

— Ты прекращаешь искать Льва и обсуждать с коллегами его номер. Не запрашиваешь историю старых файлов без поручения. Работаешь по утверждённому глоссарию. Все языковые замечания подаёшь мне, а не разносишь по службам. Через четыре дня уезжаешь с чистой характеристикой.

— А сегодня?

— Едешь к инспектору. Я перенесу твою утреннюю смену и подтверждаю, что командировка не мешает опеке.

— Возврат до тринадцати?

— Если предупредишь, продлим до пятнадцати.

Вчера это было невозможно. Исправление заявки называли нарушением графика, координатор якобы отказал. Теперь два часа появились в одной фразе.

— И претензии по снимку не будет?

— Я рекомендую не подавать.

— Вы можете гарантировать?

— Решение не только моё.

— Тогда что именно предлагаете вы?

— Свою рекомендацию, характеристику и нормальный график. Этого достаточно, чтобы не раздувать ошибку.

— Запишите.

Кирилл поставил бутылку.

— Что записать?

— Что вы рекомендуете не подавать претензию о снимке, если я прекращу искать Льва, не запрашиваю историю файлов и работаю по глоссарию без обращения в другие службы.

— Я не говорил «если».

— Смысл был именно такой.

— Это твой перевод моего намерения. Дословно я сказал, что могу помочь исправить профессиональную ошибку, а тебе следует прекратить самовольные действия.

— Тогда помощь и мои действия не связаны?

— Связаны твоим общим отношением к режиму.

— Это и есть условие, только без слова «если».

Кирилл наклонился вперёд.

— Ты сейчас хочешь победить в формулировке или успеть к Варе?

За стеной коротко прозвенел лифт. Артём увидел время: шесть тридцать восемь. Машина уже должна была ждать восемь минут.

— Я хочу уехать, — сказал он. — И получить копию акта о снимке.

— А по остальному?

— Я не стану давать обещание, смысл которого вы отка-

жетесь записать.

— Значит, продолжишь ходить по номерам?

— В чужой номер я не входил. Льва буду искать вне закрытых материалов и без нарушения режима. Языковые замечания буду подавать так, чтобы они не исчезали вместе с листом.

— Тогда я не смогу тебя защищать.

— Вы можете сообщить заказчику правду: я сделал снимок, удалил его с телефона, забыл про облачную копию, передачи не было. Для правды не нужно, чтобы я перестал задавать вопросы.

— У правды есть последствия.

— Пусть будут мои. Не ваши в рассрочку.

Кирилл несколько секунд смотрел на него. Потом достал телефон и набрал номер.

— Машину к служебному входу, — сказал он. — Да, Саонов едет. Возврат поставьте пятнадцать ноль-ноль. Нет, утреннюю кабину закроет Майя.

Он завершил вызов.

— Я только что дал тебе два часа без всякой бумаги.

— Спасибо. Подтвердите новое время в заявке.

— Тебе обязательно унижать любую помощь распиской?

— Вчера устный отказ координатора заставил меня подписать тринадцать ноль-ноль. Сегодня устное разрешение может исчезнуть раньше, чем я вернусь.

Кирилл взял со стола второй бланк Руденко, перевернул

и написал на чистой стороне: «Возврат на объект до 15:00 согласован в связи с обязательным визитом органа опеки». Поставил время и подпись.

— Доволен?

— Теперь да.

— Копию акта выдаст Руденко после регистрации. Не пытайся открыть облако из дома и что-либо удалить. Это будет отдельным нарушением.

— Не буду.

— И подумай о том, что я предложил. До возвращения.

— Вы же ничего не предлагали. Только описали два несвязанных решения.

Кирилл открыл дверь.

— Иногда твоя точность похожа на желание остаться одному.

Артём вышел первым.

У служебного входа Колосов вернул ему телефон из сейфа. Экран показал одиннадцать пропущенных уведомлений: школьный чат, напоминание от инспектора, два сообщения от Вари и автоматическое предупреждение облачного сервиса. Последнее пришло ночью: «Файл предоставлен подключённой организации для проверки согласно вашему согласию».

Сообщение Вари было отправлено в пять пятьдесят девять.

«Ты уже едешь?»

Второе — через двадцать минут.

«Не пиши, что всё нормально. Напиши время».

Артём набрал: «Выехал в 06:47. Буду примерно в 08:20. Инспектор в 09:00. Если пробка изменит время, позвоню».

Машина ждала у шлагбаума. Водитель молча открыл багажник, хотя у Артёма не было чемодана. Он сел назад и только тогда заметил, что прозрачный пакет с тремя числами остался у Колосова. Копии у него не было.

Зато в кармане лежало подписанное Кириллом разрешение вернуться до пятнадцати. На телефоне — уведомление, объяснявшее, каким образом нашли снимок. А в памяти — точные слова предложения, которое Кирилл отказался называть обменом.

Машина выехала за ворота «Северной линии». Связь появилась сразу, полосы сигнала заполнились одна за другой. Артём мог позвонить Льву, если бы знал номер, мог открыть облако и увидеть, что ещё осталось в папке, мог написать Майе про пункты 4, 11 и 17. Каждое действие сейчас выглядело бы попыткой скрыть или распространить материалы.

Он отключил передачу данных, оставив обычные звонки, и положил телефон экраном вверх на сиденье. Потом достал лист с разрешением на возврат и перечитал формулировку. В ней не было ни слова о снимке, Льве или глоссарии. Только время и обязательный визит.

Это была маленькая уступка, полученная не молчанием, а требованием записать сказанное. Но снимок существовал.

Артём действительно сделал его, действительно оставил документ рядом с Вариной тетрадью и действительно не проверил облако. Кириллу не пришлось придумывать его вину. Достаточно было поставить настоящую вину рядом с неудобными вопросами и предложить убрать обе сразу.

За окном потянулись утренние склады, заправка, первые открытые кофейни. Впереди был разговор, на котором Артём не мог назвать себя безупречным. Он мог только рассказать инспектору, как живёт Варя, где он ошибся и что сделал после ошибки.

Телефон завибрировал. Варя ответила одним словом: «Жду».

Глава 7. Два значения

К гостинице Артём вернулся в четырнадцать двадцать три.

На заднем сиденье всю дорогу лежала синяя папка с копиями документов для опеки. Инспектор забрала только заявление и справку из школы, остальные бумаги велела принести на следующую встречу. Никакого решения не приняла. Она осмотрела квартиру, открыла холодильник, поговорила с Варей без Артёма и записала, что девочка провела одну ночь одна. Варя не смягчила эту часть и не стала объяснять её срочной работой дяди. Когда инспектор спросила, кто готовит завтрак, ответила: «Кто первый встал».

Перед уходом она назначила ещё один визит и попросила характеристику работодателя.

Теперь папка казалась тяжелее, чем утром. В ней не было главной бумаги.

У шлагбаума водитель остановился перед жёлтой линией. Сотрудник безопасности попросил Артёма выйти, открыть папку и положить телефон в лоток. Колосов не появился. Досмотр проводил молодой охранник с красными следами от маски на щеках. Он сверил каждый лист с перечнем, задержался на школьной справке и спросил:

— Это остаётся у вас в номере?

— Да.

— Несите в запечатанном пакете. На закрытые этажи документы посторонних организаций не допускаются без регистрации.

Он выдал большой непрозрачный конверт, вложил туда папку и заклеил край. Артём расписался. Телефон забрали в сейф, но перед этим разрешили отправить Варе сообщение о возвращении.

— Пропуск, — сказал охранник.

Артём приложил карточку. Считыватель мигнул жёлтым.

— Ограничение. Ждите сопровождающего.

— Какие этажи доступны?

Охранник посмотрел на экран.

— Жилой, столовая и переговорная триста двенадцать. Кабины, редакционная, архив — нет.

— Кто поставил?

— Владелец сведений. У меня фамилии нет.

Через пять минут за Артёмом пришла Майя. На ней был чёрный жакет, который она надевала только в кабину, и наушники висели на шее. Она не спросила, как прошёл визит. При охране они обменялись только кивками.

В лифте Майя нажала третий этаж.

— Кирилл сказал отвести тебя в триста двенадцать и взять объяснение по утреннему терминологическому листу.

— Что случилось утром?

— Ничего нового. Именно поэтому мне велели записать, что ничего нового не случилось.

На третьем этаже она пошла быстро, не оглядываясь. Переговорная 312 находилась рядом с лестницей и обычно служила комнатой ожидания для водителей. Внутри стояли четыре кресла, пустой кулер и стол с выдвижной доской. На доске кто-то написал маркером номера рейсов, потом стёр их сухой салфеткой; синие следы остались.

Майя положила на стол два листа.

— Тебе нельзя видеть утренний протокол. Это выписка из утверждённого глоссария без названий сторон и номеров пунктов. Мне дали её для собеседования с тобой.

В первой строке стояло немецкое слово *fortlaufend*. Во второй — русский вариант «непрерывный». Третья строка содержала сочетание *fortlaufendes Nutzungsrecht* и утверждённый перевод «право непрерывного использования».

— Какой вопрос? — спросил Артём.

— Допускает ли *fortlaufend* значение «не ограниченный заранее определённым сроком».

— Допускает в зависимости от существительного и текста.

— Напиши.

Она подала ему бланк. Вверху уже было напечатано: «Переводчик А. Сазонов подтверждает корректность терминологического соответствия».

— Это не мой ответ.

— Я знаю.

— Кто составил?

— Кирилл принёс после обеда. Сказал, что тебе нужна

возможность объяснить снимок профессиональной необходимостью и одновременно подтвердить отсутствие смысловой подмены.

Артём перечитал строку. Подтверждение одного возможного значения превращалось в подтверждение конкретного соответствия. Если он подпишет, документ можно будет приложить к протоколу как согласие с «правом непрерывного использования».

— Что перевела ты?

— Сначала ответь как переводчик, не как обвиняемый.

Майя села напротив. Она выглядела уставшей. Под глазами проступили две тёмные дуги, на правом запястье остался след от тугой резинки.

— У слова есть несколько употреблений, — сказал Артём. — Продолжающийся процесс. Регулярное повторение. Последовательность без разрыва. Иногда действие без заранее названного конца. Но последнее не означает юридически бессрочное право само по себе.

— Почему?

— Потому что право может действовать непрерывно три месяца. Непрерывность отвечает на вопрос о паузах, а срок — на вопрос о начале и конце. Это разные признаки.

— А если существительное — *Nutzung*, использование?

— То же самое. Можно использовать непрерывно в пределах срока. Можно получить право на неопределённый срок, но пользоваться раз в год.

Майя повернула лист и под словом написала два русских варианта: «непрерывный» и «продолжающийся».

— «Бессрочный» возможен?

— Как перевод одного *fortlaufend* — рискованно. Если предложение или определение показывают, что конечной даты нет, тогда по-русски иногда придётся сказать «без ограничения срока». Но это будет передача всего смысла, не словарная замена.

— Именно.

— Что было утром?

— Юрист «Альтаира» спросил, можно ли считать *fortlaufendes Nutzungsrecht* бессрочным правом. Кирилл ответил, что это устойчивое соответствие и мы все его утвердили.

— Мы утвердили «непрерывное».

— В листе 6.3 — да. В русском проекте рядом появилось «без ограничения срока».

— Иностранная сторона это слышала?

— Ханна была в зале. Она сказала, что *fortlaufend* описывает возможность пользоваться разработкой без производственных остановок в течение согласованного периода. Потом добавила: право прекращается вместе с лицензией.

— Ты перевела?

— Полностью.

— Что попало в запись?

Майя посмотрела на дверь.

— Тебе нельзя видеть протокол.

— Я спрашиваю, что ты сама произнесла.

— «Право действует без перерывов в течение согласованного срока и прекращается одновременно с лицензией».

— Кирилл исправлял?

— В кабине нет. После заседания сказал, что я перегрузила фразу и внесла ограничение, которого не было в исходном прилагательном.

— Но оно было в следующем предложении Ханны.

— Было.

— Значит, спор не о двух значениях слова.

— Спор всегда можно вернуть к слову, если убрать соседнее предложение.

Майя сказала это слишком быстро, будто повторяла про себя с утра.

Артём взял чистый оборот бланка и написал: «Слово *fortlaufend* может означать непрерывность или продолжение действия и само по себе не устанавливает отсутствие конечного срока. Значение сочетания определяется предложением и условиями лицензии».

— Это подпишу.

— Этого недостаточно, — сказала Майя.

— Для кого?

— Для меня.

Она достала из внутреннего кармана сложенный вчетверо лист. На нём её почерком были записаны три реплики

на немецком и русский перевод. Первая касалась временной лицензии. Вторая — прекращения права одновременно с лицензией. Третья — запрета автоматического продления.

— Я записала сразу после кабины, — сказала она. — Не содержание документа. То, что слышала и перевела.

— Почему показываешь мне?

— Потому что вчера ты ходил искать Льва. Сегодня у тебя заблокировали доступ. Завтра они спросят, обсуждали ли мы формулировки, и у меня будет выбор: сказать правду или сохранить договор.

— Когда он заканчивается?

— В день подписания сделки.

— Продление обещали?

— Кирилл сказал, что предложит постоянное место, если группа покажет слаженность. Письменно ничего нет.

— Если сделки не будет?

— Мне оплатят дни и дорогу. Дальше — свободна.

Слово прозвучало почти насмешкой. Майя снимала комнату, платила за обучение младшего брата и полгода брала короткие проекты через агентство Кирилла. Постоянное место означало не должность с кабинетом, а следующий договор без месячного перерыва.

— Я не могу просить тебя подписать обвинение, — сказал Артём.

— А что можешь?

— Попросить точно записать, что ты слышала и как пе-

ревела. Без вывода о том, кто и зачем менял текст.

— Потом твой лист и мой положат рядом и скажут, что мы договорились.

— Тогда не используй мой текст. Составь свой сама и укажи время, место, участников.

— Он уже составлен.

— Это заметка в кармане. Нужна зарегистрированная запись.

Майя убрала лист.

— Легко тебе говорить. У тебя постоянные заказчики.

— Сегодня утром мне предъявили секретный документ в личном облаке. Постоянных заказчиков может не остаться.

— Но ты всё равно споришь.

— Потому что нарушение моё. Оно не делает бессрчную лицензию временной и временную бессрчной.

— Для людей снаружи делает. Они увидят переводчика, который вынес глоссарий домой, потом стал находить ошибки в каждом листе. Самая простая версия — ты прикрываешься обвинениями.

— Да.

Майя ожидала возражения. Артём продолжил:

— Поэтому широкое объяснение от тебя мне повредит. Если ты напишешь, что Кирилл намеренно подменяет смысл, тебя спросят о доказательствах умысла. Их у тебя нет. Если напишешь три реплики и свой перевод, это можно проверить по другим участникам.

— Запись заседания закрыта.

— Участники были в комнате. Ханна знает, что сказала. Русский директор слышал твой перевод. Нужен вопрос, на который они смогут ответить независимо.

— Ты уже придумал проверку.

— Я придумал, как не заставлять тебя подтверждать мою версию целиком.

Она встала и подошла к выдвижной доске. Написала *fortlaufend*, ниже — *unbefristet*.

— В чём разница для обычного человека? — спросила она.

— Первое — что действие идёт дальше или без перерыва. Второе — что срок заранее не ограничен.

— Может первое в договоре означать второе?

— Может, если остальной текст не оставляет другого смысла.

— Значит, Кирилл скажет: я выбрал допустимое значение.

— И будет прав насчёт словаря.

Майя резко повернулась.

— Прав?

— Насчёт возможности значения. Не насчёт этой встречи. Ханна отдельно сказала про согласованный период и прекращение вместе с лицензией. После этого выбирать бессрочность уже нельзя без прямого противоречия её словам.

Майя обвела второе слово.

— Вот это я могу подтвердить. Но меня спросят, почему не остановила правку.

— Ты перевела правильно вслух.

— А потом подписала лист присутствия под протоколом.

— Лист присутствия или согласование текста?

— Заголовок «Ознакомление участников рабочей группы».

— Что было в строке рядом с подписью?

— Фамилия, роль, время.

— Там написано, что ты подтверждаешь точность?

— Нет.

— Тогда не добавляй к своей подписи чужой смысл.

— Ты сейчас делаешь то же, что Кирилл. Объясняешь, как мне следует понимать подписанный лист.

Артём замолчал.

Майя была права. Он пытался успокоить её толкованием документа, которого не видел. Даже если заголовок звучал безобидно, внизу могли быть условия, мелкий текст, ссылка на порядок. Он знал только её пересказ.

— Покажи лист юристу, которому доверяешь, — сказал он. — Не мне. Я не видел его.

— У меня нет юриста.

— Тогда не будем сейчас решать, что означает подпись. Запишем только утреннюю реплику.

— «Мы»?

— Ты. Если решишь.

За дверью послышались шаги. Майя стёрла оба слова ладонью, оставив на коже синюю пыль. В комнату вошёл Кирилл.

— Закончили? — спросил он.

— Обсудили значение, — сказала Майя.

— Артём подтвердил соответствие?

Артём протянул бланк. Кирилл прочёл текст на обороте.

— Это лекция, а не ответ.

— Это точный ответ.

— Вопрос был: допустимо ли значение «не ограниченный заранее определённым сроком»?

— Допустимо в подходящем тексте. В данном тексте иностранная сторона отдельно ограничила срок лицензии.

Кирилл посмотрел на Майю.

— Ты обсуждала содержание заседания с сотрудником, отстранённым от материалов?

— Мы обсуждали термин, — ответила она.

— Артём только что сослался на позицию иностранной стороны.

— Он присутствовал на первом заседании, — сказала Майя. — Там позицию уже формулировали.

Это было правдой, но не всей. Утренняя реплика подтверждала прежнюю позицию гораздо яснее.

Кирилл положил бланк на стол.

— Подписывай исходную формулировку. После этого восстановим доступ к кабине под наблюдением.

— Я не подтверждаю соответствие без предложения.

— Ты сам признал допустимость.

— Значение слова допустимо. Перевод конкретного условия может быть неверным.

— Опять уходишь в оговорки.

— Перевод и состоит из оговорок. Одно слово не живёт отдельно от соседних.

Кирилл повернулся к Майе.

— Оставь нас.

Она сняла со стола свою ручку.

— Мне нужен бланк для отчёта.

— Я передам.

— Он выдан мне под подпись.

Кирилл задержал руку на листе, затем вернул его. Майя вложила бланк в прозрачную папку и вышла.

— Уже втягиваешь её, — сказал Кирилл, когда дверь закрылась.

— Вы прислали её брать у меня объяснение.

— Я прислал специалиста задать узкий вопрос. Через двадцать минут она спорит о заседании и требует учитывать бумаги поштучно.

— Может быть, потому что бумаги учитывают поштучно.

— Ты не слышишь, что с людьми происходит рядом с тобой. Лев уехал. Ольгу сняли с этажа. Майя рискует договором. А ты каждый раз называешь это чужим давлением, будто сам ни при чём.

— Я не просил Льва отмечать пункты. Не просил Ольгу рассказывать про шаблон. Майю не прошу обвинять вас.

— Но создаёшь ситуацию, где молчание выглядит соучастием.

— Если человек слышал одно, а в бумаге видит другое, это не я создаю.

Кирилл подошёл к доске. На ней осталось бледное пятно от стёртых слов.

— Утром Майя перевела «непрерывное использование», — сказал он. — Юристы обсуждали, включает ли оно право без остановки производства после истечения первоначального периода. Не бессрочность вообще, а недопустимость внезапной остановки. Она могла не понять юридическую задачу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.